

Маркус Зусак

ПОДПЕСОК

первая книга трилогии
«Братья Волф»

от
автора
бестселлера
«КНИЖНЫЙ
ВОР»

Annotation

«Подпёсок» – первая книга из трилогии «Братья Волф» Маркуса Зусака. Наши чувства странны нам самим, поступки стихийны, а мысли обо всём на свете: о верности крови, о музыке девушек, о руках братьев. Мы улыбаемся родителям, чтобы они думали: всё в порядке. Не всякий поймет, чем мы живем: собачьи бега, кража дорожных знаков в ночи или и того хлеще – тайные поединки на ринге. Мы голодны. Голод терзает нас изнутри, заставляет рваться вперед. Мы должны вырасти; ползти и стонать, грызть, лаять на любого, кто вздумает нам помешать или приручить. Мы братья Волф, волчьи подростки, мы бежим, мы стоим за своих, мы отслеживаем жизнь, одолевая страх. И если не справимся, винить некого.

- [Маркус Зусак](#)

- [1](#)
- [2](#)
- [3](#)
- [4](#)
- [5](#)
- [6](#)
- [7](#)
- [8](#)
- [9](#)
- [10](#)
- [11](#)
- [12](#)
- [13](#)
- [14](#)

- [notes](#)

- [1](#)
-

Маркус Зусак

Подпёсок

Моей семье

Ограбить зубного мы решили, сидя перед теликом.

– Зубного? – переспросил я.

– Ну да, а что? – отозвался брат. – Знаешь сколько денег за день проходит через зубную клинику? Космос. Если бы премьер-министр был зубным врачом, страна у нас была бы другая, точно говорю. Ни безработицы, ни расизма, ни сексизма. Сплошь монеты.

– Ага.

Я поддакнул лишь для того, чтобы братец Рубен был доволен. На самом деле он просто опять взялся выпендриваться. Одна из самых ужасных его привычек.

Это было первое «самое дело» – из двух.

А второе было вот в чем: как там Руб ни решай, грабить нашего зубного мы бы нипочем не стали. В этом году мы уже договаривались грабить булочную, овощную лавку, хозяйственный, закусочную и оптику. Не ограбили никого.

– И на этот раз я серьезно.

Руб поерзал на диване. Понял, видно, о чем я думаю.

Никого мы не ограбим.

Безнадежные мы.

Безнадежные, жалкие, только руками развести какие никчемные.

Вот у меня, например, была работа на два дня в неделю – газеты разносить, но меня выперли за то, что я разбил одному типу окно на кухне. И бросил-то несильно. Но так вышло. Окно было приоткрыто. Я газету швырнул, и – хрясь! Она попала в стекло. Чувак выскочил да как понес, и поливал меня, а я стоял с нелепыми горбами слезищ в глазах. Работа тютю – да и была она паршивая.

Меня зовут Кэмерон Волф.

Я живу в Сиднее.

Учусь в школе.

Девчонкам я не нравлюсь.

Я более-менее смьшленный.

Но не очень.

У меня густые дикие волосы, они не длинные, но всегда торчат во все стороны, как ни прилизывай.

Мой старший брат Рубен постоянно втрапливает меня в неприятности.

Я втравливаю его столько же, сколько он меня.

У меня есть еще один брат, Стив, самый старший, и единственный у нас чемпион. У него уже было несколько девушек, у него хорошая работа, и он многим нравится. Вдобавок ко всему еще и вроде как приличный футболист.

Еще есть Сара, сестра, всякую свободную минуту она на диване с дружкой, его язык у нее в глотке. Сара вторая по старшинству.

Еще у нас есть отец, который все время велит нам с Рубом мыться, поскольку мы кажемся ему грязными и вонючими, как твари из дикого леса, извозюканные в грязи.

(– Ни фиги от меня не воняет! – спорю я с ним. – Я в душ регулярно лазаю!

– Ну а про мыло слышал?.. Я, межпрочим, сам когда-то был в твоём возрасте и знаю, какие грязнули подростки.

– Да ладно?

– Да конечно. А то я бы и говорить не стал.

Дальше спорить бесполезно.)

Еще мать, она мало говорит, но у нас она самый крепкий орешек.

В общем, это моя семья, которая в принципе не фурычит без томатного соуса.

Я люблю зиму.

Вот такой я.

Ах да, и на тот момент, о котором пойдет рассказ, я в жизни никого не грабил, вообще ни разу. Только трепался про это с Рубом, точно как и в тот раз в гостинной.

– Эй!

Руб шлепнул Сару по руке – посреди ее поцелуя с дружкой у нас на диване.

– Эй, мы идем грабить зубного врача.

Сара оторвалась от своего дела.

– Э?.. – уточнила она.

– Ладно, замнем. – Руб глянул в сторону. – Ну что за дом бестолковый, ну? Сплошь темнота, всем плевать, только о своем могут думать.

– Кончай ныть, – сказал я.

Руб посмотрел на меня. И больше ничего, а Сара вернулась к своему занятию.

Я выключил телик, и мы вышли. Двинули на разведку в зубную клинику, которую собрались «бомбануть», как выразился Руб. (На самом деле мы туда отправились лишь бы смыться из дому, потому что в гостинной

Сара с ее дружкой бесновались, а на кухне мама готовила грибы, которыми воняло на весь двор.)

– Опять чертовы грибы, – сказал я, как мы вышли на улицу.

– Ну, – Руб ухмыльнулся, – залить, как всегда, томатным соусом, чтобы вкус не чувствовался.

– Во-во.

Такие нытики.

– Ну вот и оно, – Руб улыбнулся, и мы вышли на Мэйн-стрит в меркнувший свет июня и зимы.

– Доктор Томас Дж. Эдмондс. Бакалавр стоматологии. Красота.

Мы взялись разрабатывать план.

Разработка плана у нас с братом состояла из того, что я задавал вопросы, а он отвечал. Примерно так:

– Возьмем ствол или еще какое оружие? Может, нож? Тот липовый пистолет, который у нас был, потерялся.

– Не потерялся. Он за диваном.

– Че, правда?

– Правда, правда... Но хоть как, он нам не понадобится. Возьмем только крикетную биту и у соседей займем бейсбольную, понял? – он хохотнул, ехидненько. – Махнем пару раз этими штучками, и нам нипочем не откажут.

– Ладно.

Ладно.

Ага, точно.

Мы наметили дело на завтра на после обеда. Заготовили биты, повторили все, что нужно было запомнить, и знали, что ничего не сделаем. Даже Руб знал.

Назавтра мы все равно отправились к зубному и впервые за все наши налеты взяли и вошли внутрь.

Там нас ждало настоящее потрясение: за стойкой сидела самая великолепная на свете медсестра. Не шучу. Что-то писала в журнале, и я не мог оторвать от нее глаз. Какая там бейсбольная бита. Я о ней забыл сразу и начисто. Никакого грабежа. Мы с Рубом просто застыли.

Я, Руб и медсестра вместе, в одной комнате.

– Одну секундочку, – не поднимая взгляда, вежливо сказала она. Господи боже, ну и красавица она была. Совершенная. Ослепительная.

– Эй, – шепнул ей Руб, тихонечко. Так, чтобы слышал только я. – Эй... Это ограбление.

Она не услышала.

– Чертова корова, – Руб глянул на меня и покачал головой. – Теперь и зубную не грабанешь. Дожили. Куда катится мир?

Она наконец подняла голову.

– Ну. Чем помочь, ребята?

– Э-э... – я растерялся, но что было говорить? Руб молчал. Повисла тишина. Нужно было ее нарушить. Я улыбнулся и потерял голову. – Э, записаться на осмотр.

Она улыбнулась в ответ.

– Когда бы хотели?

– Э-э, завтра?

– В четыре подойдет?

– Угу.

Я кивал, забалдев.

Она посмотрела на меня. Прямо внутрь заглянула. И ждет. Сама предупредительность.

– И как вас зовут?

– Ах да, – спохватился я и засмеялся как дурак. – Камерон и Рубен Волф.

Она записала, опять улыбнулась и тут заметила наши биты, крикетную и бейсбольную.

– Так, тренировались немного.

Я поднял биты, у меня была бейсбольная.

– Среди зимы?

– Футбольный мяч нам не по карману, – вмешался в разговор Руб. Футбольный и дыня для регби валялись у нас где-то на заднем дворе. Руб подтолкнул меня к выходу. – Мы завтра придем.

Она отвесила нам улыбочку, мол, рада служить. Сказала:

– Отлично, пока-а-а.

Я потупил секунду и сказал:

– Пока.

Пока.

Ничего получше придумать не мог?

– Ну ты и дебил, – сказал Руб на улице. – «На осмотр», – прогнусил он. – Папан хочет, чтоб мы пахли розами, само собой, но наши зубы ему не сдались. Никуда они ему не уперлись!

– Так кто нас туда затащил вообще-то, а? Чья была гениальная мысль грабить зубного? Уж никак не моя, чувак!

– Ладно, ладно.

Руб привалился к стене. Машины лениво текли мимо нас.

– И че ты там начал бубнить?

Я уже решил, что, раз прижал его к стене, нужно дожимать.

– Ты только «пожалуйста» забыл сказать. Может, она бы тебя тогда услышала. Эй, это ограбление, – я передразнил его шепотом. – Полная тютя.

– Хватит! – разозлился Руб, – Ладно, я все испоганил... Но что-то я не заметил, чтоб ты битой-то размахивал, – молодец Руб: теперь мы опять говорили про мою лажу, а не про его. – Ты ей ваще не махал, друган... Какое там, когда ты стоял и пялился красотке в большие синие глаза, уставился ей... ей на груди.

– А вот и *нет!*

Груди.

Кого он пытался обмануть?

Такими разговорами.

– Да, да. – Руб все ржал. – Я видал, извращенец малолетний.

– Враки.

Но вообще-то правда. Шагая по Мэйн-стрит, я понял, что влюблен в прекрасную медсестру-блондинку из приемной дантиста. Я уже воображал, как лежу в зубоврачебном кресле, а она сверху, сидя на мне верхом, спрашивает:

– Кэмерон, вам удобно? Вам хорошо?

– Отлично, – отвечаю я, – Отлично.

– Эй.

– Эй! – Руб меня пихнул. – Ты слушаешь?

Я повернулся к нему. Он продолжил.

– Ну, может, скажешь теперь, где мы возьмем деньги на этот осмотр, а? – Он с минуту думал, пока мы топали, ускорив шаг, в сторону дома. – В общем, надо отмениться.

– Нет, – сказал я, – ни за что, Руб.

– Ах ты поганец, – умыл меня Руб, – забудь про сестричку. Она щас, пока мы тут болтаем, поди кое-чем занимается с мистером зубным доктором.

– Ты так про нее не говори, – предупредил я.

Руб снова замер на месте.

Потом уставился на меня.

Потом объявил:

– Да ты убогий, ты в курсе?

– В курсе. – Оставалось только согласиться. – Наверное, так.

– Как всегда.

Мы пошли дальше. В который раз. Поджав хвосты.

А, кстати, мы не отменились.

Мы думали, не попросить ли денег у предков, но они в первую очередь захотели бы узнать, зачем мы вообще туда пошли, а подобные обсуждения нам были не особенно нужны. Лично я вынул нужную сумму из своего тайника под жеваным углом ковра в нашей комнате.

И мы пришли снова.

Я прилизывался как проклятый. Для медсестры.

Мы пришли на завтра.

Ничего не вышло – с волосами.

Мы пришли на другой день, и за стойкой сидела какая-то страшила лет, наверное, сорока.

– Ну вот тебе и подружка в самый раз, – шепотом сообщил мне Руб в приемной. Он лыбился, как похотливый несовершеннолетний бандит, каким всегда и был. Он меня презирал, но опять-таки я сам себя частенько презирал.

– Эй. – Я поманил его пальцем. – По-моему, у тебя там в зубах что-то застряло.

– Где? – Руб всполошился. – Тут? – Он разинул рот и изобразил широченный оскал. – Всё?

– Да не – правее. Вон там.

Ничего у него, конечно, не застряло, и, посмотревшись в стекло аквариума и убедившись в этом, он вернулся и шлепнул меня по затылку.

– Ха, – завел он всю ту же песню. – Поганец. – Он хмыкнул. – Но так-то признаю. Та была классная. Красотка ваще.

– М-м-м.

– Не как эта пожилая толстуха, а?

Я посмеялся. Пацаны вроде нас – пацаны вообще – это, в общем, отбросы общества. Большую часть времени уж точно. Клянусь, мы большую часть времени – сущие животные.

Нам не хватало хорошего пинка под зад, так постоянно говорит папаша (и дает его нам).

Он прав.

Подошла медсестра.

– Ладно, кто первый?

Тишина.

И тут:

– Я.

Я поднялся. Подумал, лучше покончить с этим поскорее.

Ну, в итоге все оказалось не так уж страшно. Замазали холодком с привычным вкусом, да дядя доктор поковырялся немного во рту. Сверлежки не было. Нас пронесло. Нет справедливости на свете.

Или, может, есть...

В конце концов, это дантист ограбил нас. Нехило заломил, а работал-то самую малость.

– Столько денег, – пожаловался я, когда мы вышли на улицу.

– Зато, – в кои-то веки ныл не Руб, – не сверлили.

Он двинул меня в плечо.

– Так думаю. Что у нас не водится шоколадных печенюшек. Это для чего-то хорошо, вишь. Для бивней... У нас гениальная маманя.

Я не согласился.

– Да просто скупая.

Мы поржали, но, вообще-то, оба понимали, что мама у нас офигенная. Па – вот кто нас беспокоил.

Дома ничего особенного не происходило. Пахло остатками грибов, что грелись на плите, а Сара опять со своим то же самое на диване. Смысла не было заходить.

Я пошел в нашу с Рубом комнату и посмотрел в окно на город, который смрадно надышал по всему горизонту. Сквозь него бледно желтело солнце, а здания казались лапами громадных черных зверей, прилегших отдохнуть.

Да, была где-то середина июня, и погода уже стала и впрямь кусачая.

Вообще-то, не могу сказать, что в этой истории много всего происходит. Вообще-то, ничего особенного и не происходит. Это просто запись того, что со мной было прошлой зимой. То есть что-то происходило, но как всегда. У меня не вышло вернуться на ту работу. Отец дал мне возможность подработать у него. Наш старший брат Стивен вывихнул лодыжку, дико меня оскорбил, а в конце начал кое-что понимать. Мать устроила показательное боксерское выступление в кабинете директора школы и однажды вечером на кухне, разъярившись, швыряла в меня мусором. Сару бросил парень. Руб начал растить бороду и в конце концов немного разул глаза на самого себя. Грег, парень, что когда-то был моим лучшим другом, попросил у меня займы триста баксов, чтобы спасти свою жизнь. Я познакомился с девушкой и влюбился в нее (надо сказать, я мог бы втрескаться в любое недоразумение, прояви оно каплю интереса). Мне снилось до фига странных, болезненных, извращенных, иногда прекрасных снов. И я все это пережил.

Ничего особенного не происходило.

Все вполне обыденно.

Первый сон

Дело к вечеру, я иду в зубную клинику и вдруг замечаю человека на крыше дома. Подойдя поближе, понимаю, что это зубной врач. Узнаю по белому халату и усам. Стоит на самом краю и, кажется, собрался прыгать.

Я останавливаюсь и снизу кричу ему:

– Эй! Какого черта вы там делаете?

– А ты как думаешь?

Тут у меня кончаются слова.

Остается только броситься в пассаж, где клиника, добежать до приемной и все рассказать прекрасной медсестре.

– Что?! – это ее ответ.

Боже, она такая умопомрачительная, что я готов сказать: «К чертям мистера Зубодера, пойдемте на пляж или как-то». Но я больше ничего не говорю. Бегу в конец коридора, толкаю дверь и поднимаюсь по лестнице на крышу.

Почему-то, когда я оказываюсь на краю крыши, медсестры рядом нет.

Я стою рядом с угрюмым усатым зубным и гляжу за край, а она там внизу пытается уговорить его спуститься.

– Что вы не поднимаетесь? – кричу я ей.

– Я не пойду! – кричит она в ответ. – Высоты боюсь!

Я верю ей, поскольку, сказать по совести, я доволен, что мне видно ее ноги и тело, и в животе под кожей у меня что-то натягивается.

– Ну что ты, Том! – она пытается уговорить зубного. – Спускайся. Пожалуйста!

– Скажите, а зачем вы все-таки сюда влезли? – спрашиваю я его.

Он оборачивается ко мне.

Начистоту.

И говорит:

– Из-за тебя.

– Из-за меня? Да что я такого, на фиг, сделал?

– Я тебя обсчитал.

– Ну-у, чувак, некрасиво, конечно. – И тут я вдруг подначиваю, издевательски: – Так давай прыгай – так тебе и надо, жулик чертов.

*Теперь даже красавица-сестра хочет, чтобы он прыгнул. Она кричит:
– Давай, Том, я тебя поймаю!*

И оно происходит.

Вниз.

Вниз.

Он прыгает, летит, и красавица-медсестра ловит его, целует в губы и бережно ставит на землю. И даже приобнимает, слегка прижимаясь. Эх, в этом белом халатике, трется об него. У меня все кипит внутри, и в следующий момент, когда она кричит и мне прыгать, я шагаю с крыши и падаю...

В кровати, проснувшись, я чувствую во рту привкус крови и помню тротуар и удар головой.

Вся эта история с зубным опустошила мои финансы, и пришлось мне как миленькому идти плакаться на старую работу. Типа из газетного киоска я не впечатлил.

– Извините, мистер Волф, – сказал он, – с вами рискованно связываться. Вы опасны.

Не, вы только послушайте. Будто я разгуливаю по улицам с обрезом или как-то. Черт бы драл, я ж просто разносчик газет.

– Да ладно, Макс, – скулил я. – Я повзрослел. Стал ответственнее.

– Кстати, сколько тебе?

– Пятнадцать.

– Ну-у... – Он крепко поразмыслил. Перестал – подвел черту. – Нет. – Покачал головой. – Нет, нет.

Но я его зацепил, точно. Он никак не мог определиться. Чересчур задумался.

– Пятнадцать – слишком много, в любом случае.

Слишком много!

Ребята, не очень-то весело быть никому не нужным, лишним разносчиком газет, уж поверьте.

– Ну пожа-а-алуйста... – канючил я.

Гадость какая. Все ради вшивой разноски газет, когда ребята моих лет загребали лопатой в «Маках» и «Кentakки», провались они, «Фрайд чикенах». Это было унижительно.

– Ладно, Макс, – меня осенило, – если вы меня не возьмете обратно, я приду сюда в той же одежде, что сейчас, – а я был в зачуханных трениках, разбитых кроссах и старой грязной ветровке, – я приведу брата и его друзей, и мы тут будем читать, как в библиотеке. Мы не будем хулиганить, сразу говорю. Просто будем тут зависать. Кто-то из них, может, и ворует, но вряд ли. Ну, стянут парочку...

Макс подошел ко мне ближе.

– Ты че, угрожаешь, чмо малолетнее?

– Да, сэр, точно.

Я улыбался. Думал, все идет на лад.

Зря я так думал.

Зря, потому что мой бывший босс Макс взял меня за ворот и выволок со своей территории.

– И не вздумай явиться снова, – предупредил он.

Я стоял столбом.

Качал головой.

На самого себя.

Чмо. Чмо!

Это правда.

Мой хитрый план по возвращению на работу кошмарно вышел мне боком. Пульс на шее стучал тяжело, и я будто чуял на дне горла вкус той ночной крови.

– Чмо, – обозвал я себя.

Посмотревшись в витрину соседней булочной, я представил, будто на мне новенький синий костюм, черный галстук, черные туфли, четкий причесон. Но на самом-то деле я в крестьянских одежках, а волосья торчали еще хуже, чем всегда. И я смотрелся в эту витрину, забыв про всех на свете; глядел и лыбился такой специальной улыбочкой. Ну знаете, такой улыбочкой, которая тебя оглушивает, сразу показывая, насколько ты жалок? Вот так и улыббался.

– Да, – сказал я себе. – Ага.

Я поискал в городской газете – пришлось просить Руба сходить и купить ее мне, – но ничего подходящего не предлагали. Все было убогое. Работы. Люди. Ценности. Никто не искал новых людей и вещей. И я дошел до того, что задумал немыслимое – попроситься к отцу подрабатывать у него по субботам.

– Еще чего, – ответил отец, когда я к нему подкатил. – Я сантехник, а не клоун и не смотритель зверинца. – Это было за обедом. Он воздел нож: – Если бы я был...

– Да ладно тебе, пап. Я буду помогать.

Тут свое веское слово сказала мама.

– Слушай, Клифф, пусть парень попробует.

Он вздохнул, чуть ли не застонал.

Решение:

– Лады. – Но он тут же помахал вилкой у меня перед носом. – Единственный косяк, дурацкая шуточка, бестолковый поступок – и ты гуляешь.

– Лады.

Я улыбнулся.

Улыбнулся маме, но она расправлялась с ужином.

Я улыбнулся маме, Рубу, Саре и даже Стиву, но они все расправлялись с ужином, ведь дело решилось, да и по-настоящему-то оно не волновало

никого. Только меня.

Даже на подхвате по субботам папаша не особо-то был рад меня занимать. Первое, что он заставил меня сделать – сунуть руку в унитаз какой-то старухи и выковырять засор. Это правда, я чуть не сблевал тут же прямо в тот унитаз.

– Вот чертова срань, – скрипнул я себе под нос, а старик только усмехнулся.

– Вступаешь в жизнь, сынок, – сказал он и до конца дня больше не улыбался мне. Потом он поручал мне всю тупую работу типа снять трубы с крыши фургончика, вырыть канаву под домом, перекрыть воду, собрать и почистить инструменты. А в конце дня выдал мне двадцать баксов, да еще и спасибо сказал.

– Спасибо за помощь, сын.

Я обалдел.

Счастье.

– Хотя, конечно, ты и *впрямь* не шибко шустрый, – он тут же вернул меня на землю. – И не забудь, как вернемся, принять душ...

Прикольный был обед. Мы сидели в фургончике на перевернутых ведрах, и отец заставил меня читать газету. Он выдернул себе странички с воскресным приложением, а остальное бросил мне.

– Читай, – сказал он мне.

– Зачем?

– Затем, что ничему не научишься, если нет у тебя терпения читать. Телик этого не дает. Он крадет у тебя ум.

Незачем и говорить, что я тут же сунул голову в газету и стал читать. Папаша в два счета уволит за то, что не читаешь, когда велено.

Самое главное было, что я не облажался, ну и обогатился на двадцать долларов.

– Ну, через неделю? – спросил я, когда мы вернулись домой.

Отец кивнул.

Заметьте, я и не догадывался, что эта субботняя работа приведет меня к ногам девушки даже прекраснее зубной медсестры. До этого оставалось еще несколько недель, но когда это случилось, что-то перевернулось во мне.

Ну, а в ту первую субботу я вышел на крыльцо весьма гордый собой. И пошел в подвал: там комната Стива, а в субботу вечером его никогда не бывает, и я включил его старое стерео и чуток подергался под него. Подпевал, как подпевают все жалкие олухи, когда никто не видит, и плясал, как конченный балбес. Если никого нет, то и не стыдно.

Я не заметил, как вошел Руб.

И смотрел.

– Жалкое зрелище.

Его голос меня перепугал.

Я замер.

– Жалкое зрелище, – повторил Руб, притворил дверь и неспешно двинул вниз по древним истертым ступеням.

Следом за ним пришел отец со словами:

– У меня для вас четыре новости, ребята. Во-первых, ужин готов. Во-вторых, бегом в душ. Третье... – Тут он посмотрел на Руба, – тебе – побриться. – Я глянул на Руба и заметил клочки бороды, пробившиеся на его лице. Они только начали густеть и сливаться в одно целое. – И четвертое: вечером мы смотрим «Хороший, плохой, злой», и, если кто-то из вас хотел посмотреть что-нибудь еще, не повезло – телик занят.

– Нам без разницы, – заверил его Руб.

– Ну, чтобы потом никто не ныли.

– Чтобы никто не ныл, – поправил я.

Крупная ошибка.

– Ты чем-то недоволен? – Старик вытянул палец и сделал шаг ко мне.

– Да почему...

Он сдал назад.

– Вот и ладно. Короче, пошли ужинать, – и, едва мы двинулись к двери, напомнил: – Не забывайте, что ваш старик еще может отвесить вам крепкого пинка, если вздумаете умничать.

Но он, вообще-то, в шутку. Я порадовался.

В дверях я сказал:

– Может, буду копить на стерео, как у Стива. А то и получше.

Отец кивнул.

– Неплохая мысль.

Как бы сурово папаня с нами ни обходился, думаю, ему нравилось, что я ничего не выпрашивал себе просто так. Он видел, что я хочу сам заработать.

Я и хотел.

Бесплатного мне не надо было.

Все равно в нашем доме ничего не давалось бесплатно.

Встрял Руб.

– Ты зачем стерео хочешь, мальчонка? Чтоб *так же* бессмысленно кривляться и в нашей комнате?

Отец придержал шаг, оглянулся на Руба и схватил его за ухо.

– По крайней мере парень хочет работать, а вот про тебя я даже этого сказать не могу, – и, бросив Руба, закончил: – А сейчас ужинать.

Мы поднялись следом за ним, и мне нужно было вытащить к ужину Сару из ее комнаты. Она была там с дружкой, он ее тискал, прижав к шкафу.

Сцена из кино: у меня на шее петля, сейчас будут вешать. Я сижу на лошади. Веревка привязана к толстому суку. Поодаль верхом мой отец, ждет со стволом в руке.

Я знаю, что за мою голову назначили награду и довольно давно, и мы с отцом придумали план: он сдает меня, забирает деньги, а когда меня станут вешать, пулей перебивает веревку. После этого я как-то убегу, и мы все повторим еще и еще в разных городах по всей округе.

Я все сижу с веревкой на шее, в шикарном ковбойском облачении. Шериф, или полицейский, или кто он там, читает мне смертный приговор, и все эти заскорузлые фермеры-табакожуи громко радуются, потому как знают: мне сейчас конец.

– Последнее слово? – спрашивают они меня, но я только смеюсь в ответ.

Потом, еще смеясь, говорю:

– Счастливо. – И, язвительно: – С богом.

Выстрел должен раздаться в следующий миг.

Но нет.

Я нервничаю.

Я дергаюсь.

Озираюсь, вижу его.

Лошадь шлепают, она рвет с места, и через миг я вишу в петле и умираю от удушья.

Руки у меня связаны спереди, я тянусь связанными руками ослабить веревку на горле. Бесполезно. Отчаянно хватаю воздух, хрипя:

– Ну! Ну!

И наконец.

Выстрел.

Все по-прежнему.

– Задыхаюсь! – шиплю я, но отец уже скачет к толпе. Стреляет еще – на этот раз веревка лопается, и я падаю.

Шлепаюсь оземь.

Глотаю воздух.

Дышу.

Красота.

Вокруг свистят пули.

Я протягиваю руки отцу, он на скаку закидывает меня на лошадь.

Общий план (на камере).

Смена кадра.

Кругом все тихо, отец сжимает в кулаке с дюжину сотенных бумажек. Одну дает мне.

– Одну!

– Все верно.

– Послушай, – говорю я, – я думаю, мне хоть как полагается больше – в конце концов, это я болтался там в петле.

Отец улыбается и отшвыривает жеваный окурок сигары.

Отвечает:

– Ага, зато я отстреливаю веревку.

Я стою посреди пустыни и только сейчас чувствую, как болит спина после падения.

Отец уехал, я один, целую банкноту и говорю:

– Чтоб тебя, приятель.

И куда-то бреду, жду следующего раза и надеюсь, что до него доживу.

Я и забыл, что они там.

Вспомнил, что они там, только когда на следующее утро лежал в кровати с дикой болью в спине от вчерашнего рытья канав. Не знаю, почему вспомнил. Просто вспомнил, и все. Картинки. Фотки.

Спрятанные под кроватью.

«Картинки», – сказал я себе и, не задумываясь ни на миг, слез с кровати в темноте, хотя уже понемногу светлело, и достал картинки. Фотки всех женщин, что были в каталоге купальников, который нам прислали по почте на Рождество. Я его тогда прибрал.

Улегшись снова, я рассматривал всех этих девиц, с выгнутыми спинами, улыбками, волосами, губами, бедрами, ногами и всем прочим.

Я видел там зубную сестру – ну, не по правде, конечно. Представил ее там. Она бы туда подошла.

– Господи боже, – прошептал я, долистав до одной. Я глядел на нее, и мне было по-настоящему стыдно оттого, что... не знаю, отчего. Просто это показалось мне вдруг какой-то гадостью – проснувшись затемно, первым делом, пока весь дом еще спит, глазеть на фотки женщин. В рождественском каталоге, не где-то. Рождество было почти полгода назад. Но я все равно листал и смотрел. Руб на своей половине комнаты еще храпел без задних ног.

Вот смешно: такие картинки пацанов вроде меня должны вообще-то бодрить, но я от них только разозлился. Разозлился, что я такая тряпка: лежу и, как debil слабоумный, плююсь на женщин, которым меня плюнуть и растереть. Еще я задумался, всего на секунду, а с какими мыслями могла бы это все рассматривать моя ровесница. Наверное, разозлилась бы еще больше моего: мне-то ничего, кроме как потрогать этих женщин, и не хочется, а ей надо *быть* этими женщинами. Предполагается, что необходимо к такому стремиться. Вообще-то, немалый напруг.

Я откинулся на подушку. Безнадежен.

Безнадежен.

«Извращенец», как сказал Руб вчера у зубного.

– Ну да, извращенец, – вслух согласился я опять и подумал, что не хочу, став старше, быть как те озабоченные маньяки, которые заклеивают стены в гаражах голыми красотками из «Плейбоя». Я так не хотел. В ту минуту не хотел – и потому, вытащив каталог из-под

подушки, разорвал пополам, потом еще раз и еще, понимая, что пожалею. Пожалею, когда в следующий раз захочу глянуть.

Безнадежен.

Встав с постели, я снес обрывки девиц в утильную кучу. Полагая, что на следующее Рождество они вернутся в новом каталоге. Склеенные, как были. Неизбежно.

А еще неизбежно было, что, раз на дворе воскресенье, мне придется переть на стадион и смотреть, как Руб и Стив будут гонять мяч. Стив играл за одну из лучших в округе команд, Руб – за одну из худших на всем свете. Команду Руба размазывали каждое воскресенье, и наблюдать это было довольно мучительно. Сам Руб играл ничего себе – он и еще пара-тройка ребят. Но остальные – совершенно без толку.

За завтраком под «Мир спорта» по телику Руб спросил меня:

– Ну, на какой ставишь счет? 70:0? 80:0?

– Фиг знает.

– Может мы наконец выйдем на трехзначную цифру?

– Может.

И жевали дальше.

Мы жевали, и тут на кухню поднялся Стив и положил перед собой завтрак – пять бананов. Он делал так каждое воскресенье: съедал свои бананы, ворча на нас с Рубом.

На стадионе выяснилось, что Руб был не так уж далек от истины. Его команда продула: 76:2. Противник был мощный. Крупнее, сильнее, волосатее. Два очка в ответ наши заколотили только в самом конце, когда судья из жалости назначил пенальти. Они пробили, чтобы размочить счет. Без всякой подсыпки: чувак снял бутсу, поставил дыню в нее и прямо в носках вдарил. Команда Стива, наоборот, победила в довольно красивой игре, 24:10, и Стив, как всегда, блеснул.

В общем, за весь день было только два более-менее интересных случая.

Первый такой: я встретил Грега Финни, парня, который еще не так давно был моим лучшим другом. Так вышло, что мы перестали дружить. Никакого случая, ни ссоры, ничего. Просто малу-помалу раздружились. Может, потому что Грег стал увлекаться скейтингом и обзавелся новой компанией. Он честно пытался втянуть туда и меня, но я не заинтересовался. Грег мне очень нравился, но я не собирался идти за ним. И вот теперь он занимался скейтингом, а я, ну, не очень-то понимал, чем занимаюсь. Я занимался шатанием в одиночку по улицам, и мне это было по душе.

Когда я пришел на стадион, у Руба уже шла игра, и на верхних рядах сидела кучка пацанов, зрителей. Когда я проходил мимо них, меня окликнули. Я узнал голос Грегга.

– Кэм! – крикнул он, – Кэмерон Волф!

– Привет! – Я обернулся. – Как жизнь, Грег. (Тут надо бы ставить знак вопроса, но мои слова на самом деле не были вопросом. Это было приветствие.)

Грег сразу бросил приятелей и подошел ко мне.

На секунду.

– Хочешь знать счет? – спросил он.

– Ага. Я чуток опоздал, ну. – Я покосился на его отбеленные, узлами связанные волосы. – Какой?

– 20:0.

Тут другая команда провела занос.

Мы посмеялись.

– 20:4.

– Эй, сядьте там, – заорал кто-то из компании, – не загораживайте!

– Ладно, ладно. – Я пожал плечами, глянул на Грегга. Потом на его компашку. И сказал: – Ладно, давай.

К ним подтянулись уже и девчонки. Наверное, штук пять, да симпатичные. Две вообще королевы, остальные просто клевые. Земной красоты. «Настоящие девчонки, – подумал я, – с которыми, может быть, мне повезет как-нибудь перекинуться словом».

– Давай, – Грег двинул к своим. – Потом поболтаем.

Примерно через месяц, как оказалось.

«Вот забавно, – думал я, шагая вдоль веревки, ограждающей поле, – были лучшие друзья, а теперь в принципе не о чем говорить». Интересно: Грег прибил к тем ребятам, а я остался сам по себе. Не то чтобы мне это нравилось или не нравилось. Просто было забавно, что так вышло.

Второй интересный случай был дома под вечер: я сидел на крыльце и смотрел, как едут машины, и тут вдали показались Сара с дружкой. Его машина стояла у нашего дома, но они, видать, решили прогуляться. Машиной он гордился и не мог нарадоваться. Ездил он на красном «форде» с мощными потрохами под капотом. Есть люди, сильно залипающие на машинах, но мне такие всегда казались туповатыми. Если из моего окна глянуть, видно, как город крючится под одеялом из автомобильного смога. Или вот ребята, которые носятся сломя голову по нашей улице и считают себя героями и красавцами.

Я-то, по-честному, считаю их задротами.

Но кто я такой, чтобы судить?

Сам-то первым делом в воскресенье утром разглядывал фотки полуголых теток.

Ну так вот.

Я увидел их в начале улицы: Сару с дружкой. Я узнал их по светлым Сариным джинсам, в которых она частенько ходит. Может, у нее таких две пары.

Что мне запомнилось лучше всего – это как Сара с дружкой, его звали, кстати, Брюс, держались за руки. Приятно было такое видеть.

Даже извращенца вроде меня это могло тронуть.

Меня тронуло.

Сидя на нашем кургузом крылечке я признался себе, что моя сестра, идущая вот так по улице с Брюсом Паттерсоном, – это прекрасно, и мне, честно, плевать, кем вы меня после этого считаете.

Вообще-то, вот такого я и хотел – что было у сестры с Брюсом.

Конечно, я хотел тех женщин из каталога, но они были, как бы сказать... не настоящие. На время. Они всякий раз то же самое – вынуть, а потом снова убрать.

– Как дела?

– Нормал.

Сара и Брюс поднялись на крыльцо и вошли в дом.

Вот и сейчас я помню, как они шли по дороге. До сих пор вижу это.

Хуже всего, что Брюс не очень-то долго раздумывал, прежде чем заменить Сару новой девицей. Я знакомлюсь с его новой подружкой дальше в этой книге, но я лишь мельком видел ее. Пара слов. Пара слов на пороге...

Вроде, показалось, ничего девчонка, но не знаю. Я ничего не знаю, по сути-то.

Я...

Может, я одно только и знаю, что в тот вечер на крыльце, глядя на Сару с Брюсом, я что-то такое почувствовал и поклялся в душе, что, если у меня когда-нибудь будет девушка, я буду уважать ее и никогда не обману и не унижу, никогда ничем не раню. Я поклялся в этом с самой твердокаменной верой, что клятву сдержу.

– Я буду ее уважать, – сказал я.

– Буду.

– Буду.

– ...буду.

Я на каких-то соревнованиях по крикету, где-то позади сидит толпа ребят. Несильный дождик выгнал игроков с поля, и всем тоскливо. Эти ребята сзади орали весь день, обзывая соперников, друг друга и всех, кого видели.

Недавно они орали чуваку по имени Хэррис.

– Эй, Хэррис, покажи плешь!

– Хэррис, ты чмо!

Я сижу у изгороди, молчу.

Когда на поле была наша команда, эти доставали и нас, вопили: «Эй, Леманн, тебе повезло, что тебя взяли, – а ну помаши ручкой!» Леманн не махал, но те не унимались. «Эй, Леманн, ты грубиян – маши давай, не то получишь моим пивом в бошку!»

В конце концов парень помахал им, те ответили громким ором, но теперь игру прервали из-за дождя, и все это начинало действовать на нервы.

По трибунам пошла волна.

Люди вскакивают, подбрасывая в воздух кого что есть и неодобрительно воют, когда волна докатывается до чинов из Федерации, и те не встают, как все.

Волна останавливается, и чуваки сзади меня замечают молодого охранника, может, метрах в двадцати справа. Охранников тут много: черные брюки, черные боты, желтые рубахи.

Здоровый, с виду глуповатый, сальные темные волосы и котлетами громадные бакенбарды до подбородка.

Компания тут же взялась за него:

– Эй, ты! Безопасность! Помаши ручкой!

Он видит их, но и ухом не ведет.

– Эй, Элвис, помаши маме!

– Эй, Агент Баки, помаши нам!

Он улыбается и кивает, типа крутой, и получает в ответ шквал воплей. Тут и «О-о-о», и «А-а-а», и «Ты дебил такой и дебил сякой».

Но на этом они не останавливаются.

– Эй, Траволта!

– Траволта, а ну помаши! Да как следует!

Ближе к концу сна мне вдруг делается странно, и я понимаю – я же голый.

Да, голый.

– Боже, приятель, ты норм? – спрашивает кто-то сзади.

И вот уже цепляют.

– Эй, братан, я за тебя штраф заплачу, только выскочи на поле.

Я отказываюсь и отказываюсь – ис каждым отказом на мне появляется новый предмет одежды.

Дурацкий сон заканчивается тем, что я снова сижусь нормально одетый, улыбаюсь, радуюсь, что, как меня ни подстрекали, не выбежал на поле.

Этот сон говорит о том, что я, может быть, извращенец и псих, но не полный дурак.

– Без штанов вы меня не застигнете. Раз – и все в норме.

Никто не слышит.

Игроки снова выходят на поле.

Охранника по-прежнему травят.

На следующей неделе погода еще чуток сдвинулась в сторону серьезных холодов. Утра в нашем доме, как всегда, были довольно суматошными.

Сара у себя в комнате красилась на работу. Отец со Стивом, громко прощаясь, уходили, мама ликвидировала бардак, что мы оставили на кухне.

В среду Руб отшиб мне ногу, а потом волоком утащил меня в ванную, чтобы мама не увидала, как я корчусь на полу в судорогах. И пока он меня волок, я одновременно скулил и смеялся.

– Хочешь, чтобы мать услышала? – Руб зажал мне рот. – Учти – она расскажет отцу, и тогда влетит не мне одному. Нам обоим достанется.

Такое было правило в нашей семье. Если случалась какая заваруха, на орехи получали все, кто хоть как-то замешан. Папаша выходил с таким видом, который ясно говорит: у меня был адский денек, и я пришел домой не затем, чтобы разбираться тут с вами. И отвечивал нам то по уху, то по ребрам. Без всяких рассусоливаний. Если прилетало Рубу, то и мне прилетало. И потому, как бы жестоко мы ни дрались, это не шло дальше нас двоих. Обычно нам своих тумачков хватало. Уж точно мы не жаждали добавки от отца.

– Ладно, ладно, – когда мы укрылись в ванной, я налетел на Руба: – Че за фигня, это за что ты меня, вообще?

– Не знаю.

– Не ври. – Я уставился на этого олуха. – Ты отсушил мне ногу без всякой причины? Это дичь какая-то, дичь.

– Знаю.

Он скалился, и тут я не выдержал и спихнул его в ванну, и попробовал задушить, но ничего не вышло – Сара дубасила в дверь.

– А ну вылазьте!

И бдыщь, бдыщь!

– Ладно!

– Сейчас же!

– Ладно!

По дороге в школу нам попались приятели Руба.

Саймон.

Джефф.

Сыр.

Они все были приглашены вечером на то, что у нас в доме зовется игрой в «один кулак». Она так зовется потому, что у нас в гараже только одна пара боксерских перчаток, и, в общем, эта игра – боксерский поединок, когда у каждого только одна перчатка. «Один кулак».

В ту же среду мы и поиграли, с большой охотой. С великой охотой. Охотой бить. И получать. И не попасться – даже если для этого придется пожертвовать общением с семьей. В смысле, просто удивительно, как ловко можно спрятать фингал, сидя в темном углу гостиной.

Руб левша, и поэтому ему лучше, когда достается левая перчатка. А мне правая, на мою основную руку. Раундов три, и победитель определяется по справедливости. Бывает, победителя определить легко. Бывает – не очень.

В тот вечер мне особенно не повезло.

Мы взяли перчатки, пошли на задний двор, и первый бой был наш с Рубом. Когда я против Руба – это всегда лучшие схватки. Без правил. Всего лишь одна хорошая плюха от меня, и Руб не на шутку ярится и старается меня вырубить. Одна хорошая плюха от Руба – и у меня в голове небо, в легких – облака. Я всегда просто старался устоять на ногах.

В общем, Сыр вяло объявил: «Динь-динь», – и бой начался.

Мы кружили по нашему куцеу двору, наполовину бетонному, наполовину травяному. Городской ринг, не намного просторнее настоящего боксерского. Отскакивать особо некуда. Опять же бетон, жесткий...

– Ну-ка...

Руб сделал выпад и финт, будто бьет в голову, и прошел мне в ребра. А потом и на самом деле хлестнул в голову, свистнул над ухом. Тут я увидел, что он открылся, и щелкнул прямо по носу. Хорошо попал. Молодец.

– Йоу! – обрадовался Саймон, но Руба так просто не сбить. Он опять наступал, без страха, и не реагировал на мои петушиные прыжки. Нырнул и залепил мне в глаз. Я блокировал и выстрелил сам. Руб уклонился, развернул меня и швырнул на стену, потом вытянул на середину. Оттеснил. Выманил на траву и крепко саданул в плечо. Да. Попал. Неплохо так. Будто мне сустав топором раскроили. В следующий миг моя голова мотнулась от его левой. Его перчатка прилетела мне прямо в подбородок.

Крепко.

Ну и все.

Небо перекувырнулось.

Я вдохнул облака.

Земля пошла волнами.

Земля.

Земля.

Я махнул боковой.

Мимо.

Руб смеялся из-под этой своей разросшейся бороды. Он засмеялся, едва я упал на колени и привстал лишь затем, чтобы скорчиться на траве. Пошел счет, со вкусом. Руб:

– Один... два... три...

Когда я поднялся, и вопли Саймона, Джеффа и Сыра перестали сливаться в общий гул, через несколько ударов первый раунд закончился.

Я сел в угол двора в тени.

Второй раунд.

Все было почти как в первом, только в этот раз Руб тоже разок не устоял на ногах.

В третьем раунде был зверский бой.

Мы оба молотили как заведенные, я помню, что семь или восемь раз проходил Рубу в ребра и сам словил по крайней мере три хороших удара по скуле. Свирепо. Наши соседи слева держат попугаев в клетке и карликовую собачку. Птицы верещали из-за забора, а собачка лаяла и прыгала на ограду, пока мы с братом мутузили друг друга до отключки. Его кулак огромным бурым пятном летел и летел вперед на длинной ручище, колотя по мне и со свистом плюща мое мясо об кости. Все стало зеркальным, зыбким и тряским и потихоньку заволакивалось густо-оранжевым, и я почувствовал металлический вкус крови, ползшей из носа мне на губу, по зубам на язык. Или у меня во рту кровоточило? Я не знал. Ничего не знал, пока опять не скорчился на траве, чувствуя только дурноту и понимая, что сейчас меня вырвет.

– Один... два...

На этот раз счет для меня ничего не значил.

Я его и не слушал.

Все, что я мог, – это сидеть, привалившись к забору, и приходить в себя.

– Живой? – спросил через полминуты Руб. Жесткие вихры завешивали ему глаза.

Я кивнул.

Живой.

Потом дома я оценил ущерб, и дело было так себе.

В носу крови не было. Оказалось, все же во рту, и еще фингал был. Неслабый.

Такой не спрячешь. В первый день не спрячешь. Бесполезно. Мама нас убьет.

Что она и сделала.

Раз глянув на меня, она спросила:

– И что с тобой случилось?

– А, ничего.

Тут она увидела Руба с чуть подраспухшей губой.

– Эх, мальчики... – Она покачала головой. – Тошно от вас, вот не вру. Можете хоть неделю не вдруг друга не жучить?

Нет, мы не могли.

Мы жучили друг друга беспрестанно, хоть боксом, хоть пиная свернутые в мячик носки в гостиную.

– Значит, держитесь пока порознь, – приказала мама, и мы послушались. Ее мы старались слушаться изо всех сил, потому что она – боец, она зарабатывает уборкой в богатых домах и еще у нас надрывается, чтобы тут было все норм. Нам совсем не в радость, если она из-за нас огорчалась.

Но огорчения еще предстояли.

На следующий день все повернулось еще хуже: некоторых учителей слегка встревожило состояние моего лица и то, что на нем раз в пару недель стабильно возникает то синяк, то ссадина, то царапина. Они стали мне задавать все эти окольные вопросы, как оно у нас дома, как я лажу с родителями и все такое прочее. Я отвечал, что я со всеми отлично лажу, а дела дома как всегда. Хорошо, в общем.

– Точно? – не унимались они.

А зачем бы я стал врать? Может, надо было сказать им, что я на бегу треснул об косяк или свалился с лестницы. Смешно было бы. Так-то я им говорил, что увлекаюсь боксом на досуге, но пока еще не достиг большого мастерства.

Ясно, что они мне не поверили: в четверг матери позвонили из школы, предложив прийти на беседу с директором и инспектором по семье.

Она пришла в пятницу на большой перемене, предупредив, чтобы мы с Рубом тоже явились.

У дверей кабинета, перед тем, как туда войти, она приказала нам:

– Ждите тут, и ни с места, пока я не позову.

Мы кивнули и сели, и минут через десять она выглянула и позвала:

– Ну-ка зайдите.

Мы зашли.

Директор и инспекторша встретили нас слегка удивленными и какими-

то брезгливыми взглядами. Строго говоря, и мама тоже, и причина стала ясна, когда она вытащила из сумки наши перчатки и сказала:

– Ну, надевайте.

– Ой, мам... – воспротивился Руб.

– Нет, нет, нет, – настаивал директор, мистер Деннисон, – нам очень интересно посмотреть.

– Давайте, мальчики, – подзуживала мама, – не стесняйтесь...

Но в этом и был замысел. Смутить нас. Унизить. Застыдить. Это сразу стало ясно, едва мы надели перчатки.

– Мои дети, – сказала мама директору, и потом нам: – Мои сыновья.

На лице у нее было самое горчайшее разочарование. Казалось, она вот-вот заплачет. Морщинки вокруг глаз темнели пересохшими руслами рек, ждали. Но вода не пролилась. Мама сидела и смотрела. Мимо нас. А потом, прицельно, – на нас; и вроде как собралась плюнуть нам под ноги и отречься от таких детей. И я на нее не обиделся.

– Вот чем, значит, они занимаются, – сказала она директору с инспекторшей. – Прошу прощения за этот цирк, что вам пришлось потратить на него время.

– Все в порядке, – успокоил ее Деннисон, и мать пожала руки и ему, и тетке-инспектору.

– Извините, – еще раз сказала она и вышла за дверь, даже не взглянув на нас. Оставила стоять в этих перчатках, как двух нелепых обезьян среди зимы.

Не спрашивайте, почему, но я в России, еду в автобусе по Москве.

В автобусе давка.

Он едет медленно.

Лютый дубак.

Рядом какой-то парень сидит у окна и везет какую-то крысообразную зверюгу, которая шипит на меня, стоит мне только на нее глянуть. Парень толкает меня локтем, что-то говорит и смеется. Я спрашиваю его, правда ли это Москва (я ведь, понятно, там не бывал), он заводит со мной длинный многословный разговор, что само по себе чудо, ведь я не могу ответить ему ни слова по причине незнания языка.

Чувак невероятный.

Трещит.

Смеется и под конец он начинает мне нравиться. Я смеюсь над каждой его шуткой. Что парень шутит, я понимаю по его лицу.

– Медленный автобус, – говорю я, но он, конечно, ни фига

не понимает.

Россия.

Можете вы мне сказать, что, господи ты боже мой, я делаю в России?

В автобусе дубак – я говорил, нет? Да? Ну вот, дубак еще какой, и все окна застыли.

Зябко.

Я ежусь на сиденье, но потом больше не могу терпеть.

Встаю.

Пытаюсь встать, но будто приклеился к сиденью. Будто по-настоящему примерз.

– Вставай, – говорю я себе, но не могу. Не могу!

Тут я вижу, как сквозь толпу кто-то ковыляет к нам по проходу.

Ой, нет.

Не надо.

Это старушка, и поскольку я в России, я понимаю, что здешние старушки никому не дают спуска. А хуже всего, что она смотрит прямо на меня. На меня.

– Помоги встать, – прошу я соседа, но он не реагирует. Более того – отворачивается поспать, расплющивая свою крыску по стеклу. Та сдавленно шипит.

А старушка идет.

Нет.

Это кошмар.

Она кривится и смотрит мне в глаза, взглядом приказывая освободить место.

«Вставай!» – мысленно ору я. Но не могу, и она...

Подходит.

– Ну-ка! – начинает она, и дальше ее уже не остановить. Она плюется русскими ругательствами мне в лицо и трясет кулаками. Яростно хватая ручонками за одежду и пытается поднять и вышвырнуть с сиденья.

– Простите! – скулю я, но бабка – просто само бешенство, так и наскакивает.

Позже я сижу в проходе на полу, а кусок моих штанов по-прежнему на сиденье, прилип. Тетка лет сорока, понимающая по-английски, говорит мне:

– Не надо было оскорблять эту леди, паренек.

– И не говорите, – соглашаюсь я, пытаюсь не касаться голой кожей

ледяного пола.

Старушка брезгливо ухмыляется сверху.

Это важная глава.

По крайней мере мне так кажется.

Синяки прошли у меня быстренько, и следующий отрезок своей жизни я слонялся без дела. События назревали. Они существовали где-то за пределами размеренного и огороженного существования, которое я вел. Где-то там: не ждали, а просто были. Сложились. Ну, может, самую малость раздумывали, подтянусь ли я к ним.

Может, я и глупости горожу.

Ну в общем.

Происшествия, которые произошли, заключались в том, что в субботу на работе у отца я познакомился с девушкой.

Она была что-то с чем-то, клянусь вам.

В тот раз я все утро копал траншею под домом где-то километрах в пяти от нашего дома, и я сдох. Сдох к обеду.

Я весь устряпался в грязи, а шею от рытья внаклон свело и заклинило. Когда я выбрался из-под дома, поодаль стояла девушка. Она была с матерью и с отцом и такая настоящая, что я чуть не подавился пустотой в горле. С меня ростом, такая она была, с мирным и настоящим лицом. Когда мы знакомились, она улыбнулась мне настоящими губами и настоящим голосом сказала:

– Привет!

Я вытер правую ладонь об штаны и поздоровался со всеми за руку. Мать. Отец. Девушка.

– Мой сын, Кэмерон, – сказал им папаша, пока я выползал на свет, вытрясая грязь из волос. И могло показаться, будто он даже где-то рад, что я ему помогаю.

– Дбрдень, – сказал я, подойдя, и тут отец повел взрослых типа на экскурсию, показать, что мы натворили на их территории. Эти люди затеяли довольно серьезное строительство, от которого чуток урезался двор. Ну а так, дом у них был симпатичный.

И вот девушка.

– Ребекка, – представила ее мать.

Пока старик демонстрировал достижения, я оставался с ней наедине.

Что мне надо было делать?

Заговорить?

Выждать?

Сесть?

В общем, постояли мы с минуту, а потом сели на такие вроде как шезлонги. Я смотрел в сторону, потом смотрел на нее и опять в сторону.

Ну и животное.

Умел найти подход к дамам, а?

Наконец, когда уже вот-вот и было бы поздно и уже возвращались родичи, я сказал ей таким идиотски тихим голосом: «Мне нравится тут работать», – потом тишина, и мы оба немного посмеялись и подумали: «Вот же ерунду сказанул».

Мне нравится тут работать. Мне нравится тут работать. Мне нравится. Тут работать. Мне. Нравится тут работать.

Повторял это про себя и думал, понимает ли она, что я на самом деле имел в виду.

Я думаю, она понимала.

Ребекка.

Хорошее имя; и как бы мне ни нравилось спокойствие у нее на лице, голос мне понравился еще больше. Я запомнил его и пустил звучать внутри меня. Этот вот ее «Привет». Нелепо, я понимаю, но когда опыта общения с женщинами кот наплакал, как у меня, берешь, что можешь.

Это длилось до самого вечера. И даже работа меня почти не тяготила, ведь теперь у меня была Ребекка. У меня был ее голос, его настоящесть, и это обезболивало все остальное. Обезболивало волдыри, вздувавшиеся на ладонях под пальцами, и затупляло лезвие, висевшее над моим хребтом.

«Привет», – сказала она. «Привет», – и она смеялась вместе со мной, когда я сказал глупость. Такое уже бывало, чтобы девчонки смеялись надо мной, но редко приходилось и мне смеяться с такой девчонкой *вместе*. И чтобы было легко, когда за плечом город, а твое лицо так близко к девчоночьему лицу, что тоже редко. Она дышит, она видит – и она настоящая. И это было самое здоровское. Она была куда реальнее зубной сестры, потому что не сидела за стойкой и не получала жалованье за то, что любезничает с посетителями. И уж конечно реальней женщин из каталога, потому что я никогда бы не разорвал эту девочку на клочки. И немыслимо было, чтобы я посмел обидеть ее, обругать или спрятать под кроватью.

Глаза. Живые глаза. Мягкие волосы, струящиеся по спине. Прыщик на виске, там, где начинаются волосы. Красивая шея, плечи. Не королева. Не из таких. Вы поняли, не из тех.

Она была настоящая.

Позже она играла музыку – не такую, чтобы мне сильно понравилась, но от этого стала еще реальнее. От всех этих дел я даже разулыбался отцу, когда он прикрикнул на меня за то, что я не там начал копать.

– Извини, пап, – сказал я.

– Вот там копай.

Интересно, понял ли он. Сомневаюсь. И непохоже было, что он просек, когда я спросил, придем ли мы через неделю.

– Ага, придем, – ответил он без выражения.

– Отлично, – но это я сказал только себе.

Немного погодя я спросил:

– А как этих людей фамилия?

– Конлон.

Ребекка Конлон.

Но что меня особенно шибануло – я внезапно стал молиться. Я молился о Ребекке Конлон и ее семье. И не мог удержаться.

– Прошу, благослови Ребекку Конлон, – то и дело взывал я к Богу. – Пусть у нее все будет хорошо, хорошо? Пусть у нее и в ее семье все будет нормально сегодня вечером. Больше ни о чем не прошу. Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа.

И я крестился, как крестятся католики, а я ведь и не католик даже. Я не знаю, кто я.

Всю новую неделю я молился и постоянно проверял, помню ли я ее лицо и голос.

– Я бы ее не огорчил, – твердил я Богу, – не огорчил бы.

И меня прямо разрывало между любовью к ее лицу и телу и любовью к ее голосу. У нее в лице читался характер, без вопросов. Сила. Мне это нравилось. Я безусловно любил ее шею и горло, плечи и руки, ноги. Все это любил, – но голос!

Голос у нее слышался из какого-то тайного места внутри. Такого, которое, как я надеялся, не всякому показывают.

Надо было понять: *какая часть Ребекки меня интересовала больше всего?* Ее красота или нутряная настоящесть, что прямо-таки зримо излучалась наружу?

Я стал бродить по улицам, чтобы только подумать о ней, чтобы воображать, чем она сейчас занимается, не вспоминает ли, случаем, обо мне.

Это превратилось в пытку.

– Боже, думает ли она обо мне? – вопрошал я у Бога.

Бог не отвечал, и я оставался в неведении. Я знал только, что иду

вдоль дороги параллельно машинам, а те смеются, проезжая мимо. Толпы народу вываливали из автобусов и поездов и, не замечая меня, шагали по своим делам. Но мне было до лампочки. У меня была Ребекка Конлон. Все остальное не имело такого уж значения. Даже дома, препираясь с Рубом, я не волновался. Не заводился, не нервничал, потому что она все время была где-то рядом, в моих мыслях.

Радость.

Ее ли я чувствовал?

Иногда.

А потом меня пихали в ребра сомнения и трезвые мысли о том, что она вообще не думает обо мне. Так могло быть, ведь никогда не получается, как должно. Милая девушка вроде нее запросто найдет себе кого-нибудь намного лучше меня. Кого-нибудь получше балбеса, который замыслил дурацкие ограбления на пару с братцем, не удержался на работе в газетном киоске и опозорил свою мать.

Бывало, я представлял Ребекку голой, но всегда вскользь. Я ее хотел совсем не только так. Честно.

Мне хотелось отыскать то место, где рождался ее голос. Вот чего хотелось. Хотелось быть с ней славным. Радовать ее, и я молил, чтобы это мне удалось. Но мольбы никуда не приводят. Я знал, но все равно мысленно молил, пока считал часы до возвращения к ней.

Разное происходило на неделе, которая будет в следующих главах, но сейчас, в конце этой вот, я должен рассказать, что было, когда мы с отцом прибыли к Конлонам в следующую субботу.

Случилось вот что.

Сердце у меня колотилось через край.

Одна из них вернулась.

Представляете?

Вот это наглая.

Поняли, о ком я? Одна из тех каталожных женщин в купальниках, и она подходит ко мне у нас на кухне.

Обольстительно.

Тут затхло и сумрачно. Потно.

– Привет, Кэмерон.

Она приближается, подвигает стул, чтобы сесть прямо напротив меня. Мы касаемся друг друга коленями – так близко она подошла. Ее улыбка явно что-то означает. Угрозу? Похоть? Чувственность?

Как может мне такое сниться?

Сегодня?

После того, что происходило в последние дни?

Да не дури, парень.

Или это испытание?

Ну, как бы там ни было, она наклоняется ко мне ближе и облизывается. Купальник у нее бикини, желтый, и много всего открывает. Представляете? Она как бы невзначай касается пальцем моей шеи и ведет им вниз, с легким нажимом: еще чуток – и будет царапать. Ноготь у нее ровный, и что-то мне подсказывает посмотреть, что будет, и ни за что ее не останавливать. Но тут что-то еще, где-то в ступнях, беззвучно кричит, чтоб я велел ей остановиться. Оно подымается.

Она на мне.

Дышит.

Я чувствую запах ее духов и мягкую щеку волос.

Ее руки стягивают с меня одежду, ее рот ловит меня.

Я это чувствую.

Она приподнимается.

Отталкиваясь.

От меня.

И падает обратно, скользнув зубами мне по горлу. Целует, прикинув губами, а языком касаясь...

Я вскакиваю.

– Что?

Я стою.

– Что? – спрашивает она.

Ох-х...

– Не могу. – Я беру ее за руку – сказать ей правду. – Не могу. Я не могу.

– Но почему?

Глаза у нее огненно-синие, и, когда она принимается гладить мне живот и тянуться дальше, у меня почти нет сил сопротивляться. Я останавливаю ее в последний момент, сам не понимая, как мне это удалось.

Я отворачиваюсь и отвечаю:

– У меня есть настоящая девушка. Которая не просто...

– Не просто кто?

Правда:

– Кто возбуждает, и все.

– А я, значит, вот такая? Вещь?

– Да.

И я вижу, как она меняется. Она как призрак, и когда я тянусь к ней, рука проходит, словно и нет никого.

– Видишь, – объясняю я, – погляди на меня. Пацан вроде меня даже не может прикоснуться такой, как ты. Ничего не поделаешь.

Она растворяется окончательно, и я понимаю, что моя реальность – это не каталожная девица, и не школьная королева красоты, и не другие вот такие. Моя реальность – настоящая девочка слева от нее.

На столе бикини-модель забыла сумочку. Я беру ее в руки, но не открываю – из страха, что она взорвется перед моим носом.

Королева красоты, которую я хочу.

Настоящая девочка, которую я хочу порадовать.

Сон окончен.

Помните, я рассказывал, как мне понравилось смотреть на Сару и Брюса, когда они шли по улице тем воскресным вечером?

Ну, за неделю у них, кажется, все изменилось.

И еще кое-что изменилось: Стив, который обычно возвращался со своей конторской работы около восьми, тоже был дома. А дело в том, что накануне на футболе он вывихнул лодыжку. Он сказал, ничего серьезного, но утром в понедельник щиколотка стала размером с метательное ядро. Врач освободил Стива от работы на полтора месяца: повреждение сухожилия.

– Но я выйду через месяц, вот увидите.

Он сидел на полу, задрав ногу на подушки, а рядом лежали костыли. Ему придется томиться дома две недели: начальник вычтет их из отпуска. Это бесило Стива не только потому, что урезался его летний отпуск, но и потому, что Стив терпеть не мог сидеть без дела.

Его мрачный настрой, естественно, не помогал делу у Сары с Брюсом в гостинной.

Во вторник на диване, они не зажигали, как обычно, а сидели, будто приклеенные, напряженно.

– Нюхни-ка подушку, – велел мне Руб, поймав момент, когда я наблюдал за ними, сам того не желая.

– Зачем?

– Она воняет.

– Что-то мне неохота ее нюхать.

– А ну.

Его заросшее злобное лицо придвинулось ближе, и я понял, что с отказом он не смирится.

Он бросил мне подушку, и предполагалось, что я ее подниму и ткнусь туда лицом и скажу ему, воняет ли. Руб все время заставлял меня делать такие штуки – действия, бессмысленные и нелепые.

– Ну, нюхай!

– Ладно!

– Нюхай, – продолжил он, – и скажи, пахнет ли, как Стивова пижама.

– Стивова пижама?

– Ага.

– Мои пижамы не воняют, – взревел Стив.

– Мои воняют, – сказал я. Это была шутка. Никто не засмеялся. Тогда я повернулся к Рубу: – Откуда ты знаешь, как воняют Стивовы пижамы? Ты у всех нюхаешь пижамы? Ты че, на фиг, пижамный нюхач или что?

Руб поглядел на меня, ничуть не смутившись.

– Пахнет, когда он проходит мимо. *Нюхай* давай!

Я понюхал и заключил, что подушка пахнет совсем не розами.

– А я что говорил?

– Мило.

Я бросил подушку ему, он перекинул на место. Таков Руб. Подушка воняла, и он это знал, и это его напрягало. Он захотел про это поговорить, но одно было железно – он нипочем не стал бы ее стирать. И вот она снова лежала в углу дивана, воняя. Теперь и я чувствовал вонь, но лишь потому, что Руб эту тему поднял. Может, мне чудилась вонь. Спасибо, Руб.

Еще неуютнее в тот вечер было оттого, что Брюс с Сарой обычно, если не лизались, то хотя бы изредка вступали в разговор, про какие бы глупости у нас ни шла речь. Но в тот вечер Брюс не сказал ни слова, и Сара не сказала ни слова. Они молча смотрели видео, взятое в салоне. Не раскрывая рта.

Должен заметить, пока это все происходило, я молился за Ребекку Конлон и ее семью. И это довело меня до того, что я стал молиться и о своих. Я молился о том, чтобы больше никогда не подводить маму, чтобы отец не наваливал на себя столько работы, а то и до сорока пяти не дотянет. Я молился, чтобы Стив выздоровел. Молился, чтобы из Руба когда-нибудь вышел толк. Чтобы Саре было хорошо прямо здесь и сейчас, чтобы у них с Брюсом все тоже было хорошо. Хорошо. *Все хорошо*. Я тыщу раз это сказал. Я сказал это и начал молиться за весь глупый человеческий род и за всех, кто страдает или голодает, или кого насилуют вот в этот самый миг.

«Пусть у них все будет хорошо, – просил я Бога. – У всех, кто болеет СПИДом и всяким другим. Пусть им вот сейчас будет хорошо, и этим бездомным чувакам с бородами и в лохмотьях, в драной обуви и с гнилыми зубами. Пусть у них все будет хорошо... Но главное, пусть все будет хорошо у Ребекки Конлон».

От этого я начинал с ума сходить.

Правда.

Пока Сара с Брюсом не видели, я глазел на них и удивлялся, как это всего несколько недель, дней назад они не могли друг от друга оторваться.

Я думал, как все могло так поменяться.

Это меня пугало.

Господи, прошу тебя, благослови Ребекку Конлон. Пусть с ней все будет хорошо...

Как так все меняется в один миг?

Позже, уже в нашей с Рубом комнате, я слышал за стеной, в комнате Сары, жужжание их с Брюсом разговора. В городе было темно, только окна светились – как болячки, словно с кожи города посрывали пластыри.

Единственное, что, похоже, никогда не поменяется, – город в его переходный час между днем и вечером. Он неизменно становится сумрачным и чужеватым, отстраненным от происходящих событий. В городе тысячи домов и квартир, и во всех что-то происходит. В каждой какая-то своя история, но не для зрителей. Никто ее не знает. И никому нет дела. Никто, кроме нас, не знает про Брюса Паттерсона и Сару Волф, никого не волнует лодыжка Стивена Волфа. Никто во всем остальном мире не молится о них и не молится без передышки о Ребекке Конлон. Никто.

В общем, я понял, что только я и остался. Только я и мог бы волноваться о том, что происходит здесь, в стенах моей жизни. У других людей свои миры, о которых стоит волноваться, и в итоге они должны думать о своих делах, как и мы.

Я нарезал круги.

Молился.

Беспокоился о Саре.

Молился, как полоумный дурак.

Это короткая глава, но сделай я ее длиннее, стал бы вруном.

Все, что помню о том вечере: молитвы, треп про вонючую подушку, ногу Стива и напряжение, повисшее между Сарой и Брюсом.

И город снаружи. Это тоже помню.

Будущее: пора отдохнуть.

Мы на краю города, рядом с ним; кажется, протянешь руку – и потрогаешь дома, дотянешься и потушишь огни, что бьют нам в глаза, стараясь ослепить.

Мы рыбачим, мы с Рубом.

Раньше мы никогда не рыбачили, а сегодня вот взялись и рыбачим весь вечер.

Пески у нас уходят в какое-то огромное темно-синее озеро, из которого выныривают звезды.

Вода в озере тихая, но живая. Мы чувствуем, как она колышется под днищем старой потрепанной лодки, которую мы арендовали у какого-то жулика. Нас то и дело качает вверх-вниз. Поначалу нам это

не страшно: конечно, ничего не может быть абсолютно устойчивым, но мы знаем, где мы, и озеро дышит не слишком шустро.

Не ловится.

Ничего.

Совершенно. Ничего.

– Бесплезняк чертов, – заводит беседу Руб.

– Говорил тебе, не надо было рыбачить. Кто знает, что в этом озере?

– Души городских мертвецов, – Руб улыбается с какой-то ехидной радостью. – Что будем делать, если кто-нибудь из них попадется на крючок?

– За борт прыгать, чувак.

– Вот уж, на фиг, точно.

Вода опять колыхается, и откуда-то, не видно, откуда именно медленно катятся волны. Они поднимаются и захлестывают лодку. Они все выше.

И какой-то запах.

– Запах?

– Да, ты что, не чувствуешь? – спрашиваю я Руба.

Говорю так, будто виню в чем-то.

– Теперь вот ты сказал, и я чувствую.

Озеро уже ходит ходуном, и наша лодка вместе с ним: вверх-вниз, вверх-вниз. Волна бьет мне в лицо, полный рот воды. На вкус она, вот фантастика, жгучая. По лицу Руба я понимаю, что он тоже глотнул.

– Бензин, – говорит он.

– О господи.

Волны немного улеглись, и я оборачиваюсь к лодке, что стоит ближе к городу, почти у самого берега. В ней парень с девчонкой. Парень выходит из лодки на берег, и у него что-то в руке.

Что-то рдеет.

– Нет!

Я вскакиваю и скидываю руки.

Он не слушает. Сигарета.

Он не слушает, а я вижу, как еще кто-то гребет к берегу, отчаянно. Кто это? Я не знаю и вижу еще лодку, которая тоже спешит, там мужчина и женщина средних лет.

Парень бросает сигарету в озеро. Красно-желтое катится мне в глаза.

Забывать.

В четверг Руб еще подбил меня на новую выходку – кое-что отличное от наших обычных грабительских налетов.

Дорожные знаки.

Это и был его новый план.

Еще не свечерело, а он уже все обдумал и сообщил мне, какой знак хочет спереть.

– «Уступи дорогу». На Маршалл-стрит. – Улыбнулся. – Двинем где-то, скажем, часиков в одиннадцать, прихватим ключ у батяни – ну, такой, который регулируется колесиком наверху...

– Разводной?

– Ага, его... Надеваем кенгурухи, идем такие, как ни при чем, типа Марк Во [\[1\]](#) с битой, я влезу тебе на спину, и мы свинтим знак.

– А зачем?

– В каком именно смысле зачем?

– Я спрашиваю, в чем смысл?

– Смысл? – Руб... как бы это сказать?.. Вышел из себя. Возмутился. – Нам не нужен смысл, сынок. Мы малолетки, мы поганцы, у нас нет подружек, полный нос соплей, в глотке скребет как черт-те что, мы в коросте, на нас нападают прыщи, подружек нет у нас – это я говорил? – денег нет, мы на ужин через день жрем грибы, толченные, чтоб были похожи на мясо, заливаем их томатным соусом, чтобы не чувствовать вкус. Какие тебе еще причины? – Брат откинулся на кровати и устремил безнадежный взгляд в потолок. – Мы не просим много, милый Боженка! Ты же знаешь!

Вот и порешили.

Наш следующий набег.

Клянусь, в тот вечер мы были сущие дикари, как и описал Руб в своем словоизлиянии. Сначала меня покорило, что Руб думает о нас так. Как и я думал. Только Руб этим гордился.

Может, мы и не знали, *кто* мы, но мы знали, *каковы* мы, и Рубу всякий вандализм типа кражи дорожного знака виделся для нас таких вполне подходящим предприятием. Уж он совершенно точно не собирался предположить, что мы можем оказаться в каталажке, за решеткой, не отвечающей установленным стандартам безопасности.

Ясно, мы знали, что такое дело у нас не выгорит.

Одна беда: оно выгорело.

Мы выскользнули из дома через черный ход примерно без четверти двенадцать: горбы капюшонов над головами, шаг с креном вперед. Шли спокойно, даже борзо, вдоль по улице, пар изо рта, руки в карманах, шепот славы засунут в носки. Наше дыхание и сопение процарапывало нас в воздухе, раздирало его, и я казался себе тем чуваком, Юлием Цезарем, пустившимся завоевывать чужую империю – а мы всего-то шли красть паршивый серо-розовый треугольник, который должен быть красно-белым.

Уступи дорогу.

– Больше похоже на «Упусти дорогу», – хихикнул Руб, когда мы подошли к месторасположению знака. Он залез, сорвался, снова залез мне на плечи. – Вот так, – поймав равновесие, продолжил он.

– Ключ.

– А?

– Ключ, олух.

Шепот у него был колючий и плотно туманился на холоде.

– А, да, точно, забыл.

Я подал ему газовый ключ, или разводник, или назовите, как хотите, и мой брат принялся откручивать дорожный знак «Уступи дорогу» на перекрестке Маршалл– и Карлайл-стрит.

– Блин, что-то упирается, дрянь, – сообщил он. – Болт такой ржавый, гайка всю грязь собирает. Ты, главное, меня держи, понял?

– Я как-то уж подустал, – заметил я.

– А ты терпи. Через не могу. На зубах, сынок. Все великие умели преодолевать физический дискомфорт.

– Великие кто? Лямзильщики знаков?

– Нет. – Ехидно. – Спортсмены, балда.

И тут наконец победа.

– Готово, – объявил Руб, – Он у меня.

И спрыгнул с моих плеч, держа знак в тот самый момент, как в одном из обшарпанных домов на углу зажегся свет.

На балкон вышла женщина и со вздохом сказала:

– Вы когда-нибудь повзрослеете?

– Пошли. – Руб потянул меня за куртку. – Бегом, бегом!

Мы дернули прочь, Руб поднимал знак над головой и кричал: «Во как!», – и мы смеялись. И даже когда мы пробрались домой, адреналин еще крался по моим венам, сжимаясь пружиной и срываясь вперед. Только в комнате он мало-помалу рассеялся. Свет был погашен немедленно, и Руб сунул знак себе под кровать, заявив чисто для смеху:

– Вякнешь маме или бате, я проверю, глубоко ли этот знак можно забить тебе в пасть.

Я посмеялся и скоро заснул, все еще слыша тихий голос женщины, вздыхающей среди ночи на парочку подозрительных юнцов. Но пока сон не пришел, я успел подумать о Ребекке Конлон и вспомнил моменты нашего с Рубом похода и кражи, представляя, что Ребекка меня видит. Не знаю, понравился бы я ей, или она решила бы, что я полный кретин. Полный кретин, скорей всего.

– И ладно, – шепнул я про себя под одеялом. – И ладно.

И принялся молиться о ней и обо всех, о ком привык молиться в последнее время. Той ночью, довольно скоро после того, как забылся, я увидел сон – плохой. Кошмар. Полноценный кошмар.

Вы его скоро увидите сами...

Утром Руб извлек знак, чтобы полюбоваться им еще разок, со всеми удобствами. Я как раз зашел после душа.

– Чудесная штука, а? – сказал Руб.

– Ага. – Но голос у меня был не особо радостный.

– Че с тобой?

– Ничего.

А на самом деле – плохой сон.

– Ладно. – Он спрятал знак и высунулся в коридор. – Та-ак. – Он глянул на меня. – Ты опять не закрыл дверь в ванную – ты специально выстуживаешь перед тем, как я пойду в душ?

– Забыл.

– Последи за собой.

Он пошел, но я двинулся следом, волосы мокрые и торчат во все стороны.

– Ты куда это прешься, ты?

– Надо тебе что-то сказать.

– Ага.

Он захлопнул дверь перед моим носом. Я услышал, как включился душ, щелкнул дверной шпингалет, шаркнула занавеска, потом оклик:

– Заходи.

Я зашел и сел на крышку унитаза.

– Ну, – поторопил меня Руб, – чего там?

Я стал рассказывать про свой кошмар, и казалось, в сырое тепло ванной из меня излучился какой-то свой жар, еще горячее. На полный пересказ сна ушла минута или две.

Я закончил, и Руб сказал мне на это два слова:

– И что?

Пар сгустился.

– Что нам делать?

Душ смолк.

Руб высунул голову из-за шторы.

– Поддай полотенце.

Я подал.

Он вытерся и выступил из облаков пара со словами:

– Да, что говорить, сон ты рассказал неприятный, сынок.

Да он и не понимал, насколько неприятный. Снилось-то мне. Это я думал, что все по правде, пока сон происходил в моей голове. Это я.

Покончить.

Надо с этим покончить.

Не...

Это я проснулся в потемках нашего успеха, в поту, выедающем глаза, и с немым криком, прижатым к губам.

И вот там, в ванной, я предложил:

– Надо привинтить его на место.

У Руба сначала была другая идея.

Он придвинулся ко мне и сказал:

– Можно позвонить в дорожную полицию и сказать, что нужно там знак заменить.

– Да у них абсолютно недели уйдут, чтобы его заменить.

Руб помолчал, потом согласился.

– Да, верная мысль. – Вот несчастье. – Состояние дорог в нашей округе – позор нации.

– Так что делаем? – спросил я опять. Меня не на шутку теперь тревожила безопасность людей вообще, и еще мне вспомнилась история, про которую с год назад говорили в новостях: какие-то ребята в Америке получили типа лет по двадцать за кражу знака «Стоп», из-за которой случилась авария с трупами. Поищите, если не верите. Это было.

– Что делаем? – повторил я.

Руб ответил тем, что ответил не сразу.

Он вышел из ванной, оделся, а потом сел на мою кровать, подперев голову руками.

– Ну а что еще нам можно сделать? – спросил он, едва ли не умоляюще, – Поставим на место. Я думаю.

– Правда?

Дикари, как есть.

Дикари, перепугавшись.

– Ага. – С несчастным видом. – Да. Поставим на место.

Как будто у него самого что-то отняли на улице – только вот что? Откуда это стремление красть? Чтобы почувствовать, каково нарушать правила и получать удовольствие от гадостей? А может, Руб считал себя конченным типом, и чтобы удостовериться в этом, пытался воровать? А может, хотел быть похожим на героя американских фильмов?

По правде, я понятия не имел, что творится у него в голове, вот и все.

Перед выходом в школу он еще раз достал знак и окинул его на прощание грустным любовным взглядом.

В тот же вечер, в пятницу, где-то в районе одиннадцати мы вернули знак на место, и никто нас, слава богу, не застиг. Нелепо вышло бы – загреметь за кражу знака, когда вы его, наоборот, возвращаете.

– Ну что, – резюмировал Руб дома после похода, – вернулись с пустыми руками. Как всегда.

– М-м.

Я тогда не смог сказать ни слова.

Одно я про тот вечер запомню навсегда. Когда мы вернулись домой, Стив сидел на крыльце на холоде. Костыли опять лежали рядом, ведь лодыжка у него по-прежнему была нерабочая. Вот он сидел на нашем старом крыльце, примостив на перила кружку.

Когда мы просочились мимо, за дом, как бы не замечая Стива, я услышал его голос.

Я вернулся.

Переспросил.

– Что ты сейчас сказал?

Я спросил самым обычным голосом, так, будто не расслышал, а мне интересно.

Он повторил.

Вот что:

– Не верится, что мы братья.

Стив покачал головой.

И продолжил.

– Вы такие раздолбаи.

Если честно, именно равнодушие, с каким он это сказал, меня и покорило. Он произнес это так, будто мы были уж настолько ниже него, что несколько его не занимали. Но, если учесть, что мы только что проделали, я почти понял его. Как Стивен Волф может быть одной крови со мной и с Рубом, да и с Сарой, если уж на то пошло?

И все равно я лишь на миг задержался и зашагал дальше, а какой-то тонкий визг изнутри вскрывал мою голову. Ныло, как у побитого.

В комнате я спросил Руб, где бы он повесил наш знак на стену. Может, я спросил, чтобы поскорее забыть слова Стива.

– Тут?

– Не.

– Тут?

– Не.

– Тут?

Ответа не было долго, а свет в нашей комнате еще горел, пока Руб думал какие-то мысли, о чем-то мне навсегда неведомом. Он молча лежал на кровати и тихонько потирал свою бороду, будто кроме нее у него больше ничего не осталось.

Я, устроившись в постели, усиленно думал про завтрашний день, про работу у Конлонов. Ребекка Конлон. Я думал, этот день так и не настанет, – но завтра мы опять будем там. Я забыл и про Руба, и про Стива, и было так здорово жить, не терзаться совестью и ждать встречи с девушкой, которая стоит того, чтобы о ней молиться.

После долгого молчания Руб выступил с заявлением.

Он сказал:

– Кэмерон, я бы вообще не стал вешать знак на стену.

Я повернулся и посмотрел на него.

– Почему?

– Сам знаешь, – Руб уставился в потолок. Только губы шевелились. – Потому что стоило маме его увидеть, как она бы меня прикончила.

По городу рыщет машина. Здоровая оранжевая, у нее басовитый сосредоточенный гуд, как у всех таких машин. Рокот разносится по улицам, но она всегда останавливается на красный, на знак «Стоп» и все такое прочее.

Смена сцены...

Мы с Рубом выходим из дому, вроде как на футбол, смотреть Стива, хотя, вообще-то, на дворе два часа ночи. Холодно. Знаете, такой нездоровый холод. Который будто дышит. Он ломится в рот, резкий и злой.

Вопрос.

Руб:

– Тебе никогда не хотелось отметить старика?

– Нашего старика?

– Ну а какого.

– Зачем?

– Не знаю... Тебе не думалось, что это было б прикольно?

– Нет, не думалось.

На этом мы замолкаем и шагаем в тишине. Шаркаем по тротуару, одна-другая случайная машина катит мимо. Такси проезжают, виляя по всей дороге, тяжело пыхтит перегруженный мусоровоз. И оранжевая машина обгоняет нас с ревом.

– Задроты, – говорю я Рубу.

– Точно.

Тем временем оранжевая удаляется, ее рев затихает, потом вновь раздаётся на боковой улице позади нас.

Смена сцены...

Мы с Рубом стоим на углу Маршалл-и Карлайл-стрит. Требуемый гул оранжевой все ближе, и Руб пригибается, зажав между ног украденный нами дорожный знак. Я смотрю на столб от знака, он пуст. Просто голый столб, забетонированный в тротуар.

Вот и она.

Оранжевая летит по Маршалл-стрит, практически заглатывая собственную скорость, жадно ее набирая.

Мимо нас она просто летит.

Знака нет.

Знака нет.

Оранжевая газует, я крепко зажмуриваюсь... и в тот же миг – пронзительный стискивающий визг от нахлеста металла на металл, вопль и запоздавший на миг дождь битого стекла.

Руб пригибается.

Я стою и все не открываю глаз.

Тишина-ропот.

Она со всех сторон.

Я открываю глаза, мы идем.

Руб бросает знак, выпрямляется, и мы шагаем в медленном зябком ужасе к машинам, которые, кажется, вгрызлись друг в друга в драке.

Люди внутри кажутся проглоченными.

Они трупы, они в крови, они переломанные.

Они мертвые.

– Они мертвые! – кричу я Рубу, но из меня не доносится ни звука. Звуков нет. Голоса нет.

И тут одно из мертвых тел оживает.

Оно выкатывает на меня глаза и кричит, и мои уши не выдерживают этот крик. Я валюсь наземь, стискиваю руками голову.

Когда наутро мы с отцом приехали к Конлонам, сердце у меня и правда колотилось настолько гулко, или через край, как я это называл раньше, что как будто даже болело. Оно чем-то накачивало мне горло, и я от этого исходил слюной вопросов.

Что я скажу?

Как поведу себя при встрече?

Любезно?

Спокойно?

Безразлично?

Или робко и тактично – в том духе, который никогда мне не помогал?

Кто бы знал.

По дороге туда я думал, что подавлюсь, или задохнусь, или как-то. Такое вот чувство эта девушка посеяла во мне. Чем меньше оставалось до ее дома, тем больше разрасталось это чувство. Дело дошло до того, что я хотел, чтобы на следующем перекрестке мы встали на красный и мне хватило времени все обдумать. Смешно. У меня была неделя на раздумия, на подготовку, и вот пришла суббота, а я в полной растерянности.

Наверное, слишком много времени на раздумия. А может, стоило поменьше волноваться про Сару и Брюса и не тратить время на кражу и возвращение дорожных знаков с Рубом. Наверное, тогда у меня самого дела пошли бы лучше. Может, сейчас все было бы, как надо.

Если.

Бы.

Все напрасно.

Все насмарку.

«Когда мы приедем, – подумал я, – пожалуй, лучше сразу нырну в траншею и буду там себе копать». Такие, как я, девчонок не привлекают. Какая уважающая себе девушка будет меня терпеть рядом? Всегда нечесаный. Руки-ноги в грязи. Кривая улыбочка. Неловкая походка нога за ногу. Не, совсем никуда не годится. Напрочь.

Я дошел до того, что сам себе внушал: если начистоту, ты вообще не достоин девушки. И я был прав. Не достоин. Я выказывал явные признаки сомнительной, в лучшем случае, нравственности. Легко шел на поводу у брата. Совершал нелепые поступки, жалкие, и только ради какой-то дурацкой гордости, до того смешной, что в голове

не укладывалось. Я собой представлял какую-то кашу вместо личности, что хватается за всякую соломинку, лишь бы как-то выплыть...

И вдруг. Внезапно.

В один миг я понял, как странно, что я никогда не молился о самом себе. Разве я не был достоин спасения? Или за свою пакостность не заслуживал молитвы? Может. Наверное.

Но все же я уговорил Руба вернуть знак – пытался я рассуждать. Так что, пожалуй, в конце концов, я не такая уж дрянь. Стало чуть легче – немного позитивных мыслей, пока отцовский фургон дребезжал в направлении моей судьбы.

Мы подъехали к дому, и тут у меня даже замелькали какие-то искорки веры – может, я и не такой кошмарный и мерзкий дегенерат, каким себя только что признал. Я стал говорить себе, что, может, и вообще нормальный. Вспомнил, о чем мне думалось тогда в зубной клинике – что все пацаны-подростки довольно мерзки, вроде животных. Может быть, фокус в том, что нужно из этого как-то вырасти? Может, именно Ребекка Конлон и должна мне в этом помочь. Дать мне возможность доказать, что я могу быть любезным и приличным, а не только похотливым и гнусным. Хотя бы один шанс правильно повести себя с девушкой – вот о чем я мечтал и знал, что не упущу его.

Ни за что.

Не позволю себе.

– Не упущу, – шептал я себе, выбираясь из фургона. Я глубоко вдохнул, будто шел навстречу самому важному событию своей жизни. И тут понял. Это и *было* самое важное в моей жизни.

– Держи, – сказал отец, вручая мне лопату, и все утро я вкалывал, дожидаясь, когда же наконец появится Ребекка Конлон. Потом из разговора папаши с ее матерью я понял, что Ребекки нет. Она заночевала у подруги.

– Чудесно, – сказал я куда-то в пространство между корнем языка и глоткой.

И знаете, что было хуже всего?

Хуже всего было сознавать, что если бы это Ребекка Конлон приезжала в наш дом работать, уж я-то все сделал, только бы оказаться дома и встретиться с ней. Я бы никуда не ушел. Если б я знал, что она придет, то за два дня прибил бы себя гвоздями к полу, чтобы точно с ней не разминуться.

– Гвоздями, – вслух подтвердил я, не прекращая рыть.

Я вымотал себя работой до отупения. Тяжко было мне. Отец даже спросил, все ли у меня норм. Я сказал, все норм, но мы оба понимали, что

мне капец.

Когда день закончился, а девушка так и не появилась, отец добавил мне десятку сверх обычного. Вручил мне ее со словами:

– Ты сегодня попотел, парень. – Пошел было прочь, но остановился, обернулся и добавил: – В смысле, Кэмерон.

– Спасибо, – ответил я, но, как ни старался, чтобы вышло по-человечески, улыбка отцу от меня досталась несчастная.

– Я был бы с ней молодцом, – дома сообщил я городу за окном моей комнаты, но толку-то. Городу все равно, а в соседней комнате ссорились Брюс с Сарой.

Руб вошел и завалился ничком на кровать. Закинув подушку на голову, он сказал:

– Пожалуй, мне больше нравилось, когда они лизались, как угорелые.

– Ага, и мне.

Я тоже рухнул на кровать, только на спину, а глаза закрыл ладонями. Нажимая на веки большими пальцами, я запускал в черноте разноцветные узоры.

– Что на ужин? – спросил я Руба, страшась ответа.

– Сосиски, кажется, и остатки грибов.

– А, шикарно, – я, страдая, перевернулся на бок. – Вот, блин, шикарно.

Руб снял с головы подушку и добавил мрачно:

– И у нас кончился томатный соус.

– Еще шикарнее.

Я замолчал, но стонать про себя продолжил. Потом мне это поднадоело, и я подумал: «Не переживай, Кэмерон. Всякому псу выпадает удача».

Просто не сегодня.

(Кстати, грибы-то мы и ели. Мы посмотрели в тарелки, подняли взгляд. Опять посмотрели. Кошмарно. Воротить нос нет смысла. Мы ели, потому что это были мы и потому что, в конце концов, мы ели всё. Всегда. Мы всегда ели всё. Даже если бы нас стошнило ужином, а завтра нам бы его снова подали, мы с Рубом, наверное, съели бы и это.)

Большая толпа, в середине дерутся, зрители вопят, визжат и завывают под каждый удар, под каждый кулак впечатанный лицо. Толпа плотная, рядов в восемь, едва ли протолкнешься.

Я встаю на четвереньки.

И ползу.

Выискиваю просветы и протискиваюсь – и наконец выбираюсь.

В первый ряд толпы, которая стоит гигантским кольцом, плотно.

– Бей! – орет рядом со мной какой-то чувак. – Мочи! Сильнее!

А я-то все разглядываю толпу. Я не смотрю за дракой. Пока нет.

В толпе собрались самые разномастные типы. Худые. Толстые. Черные. Белые. Желтые. Все они неотрывно глядят, и все вопят в середину круга.

Чувак рядом все время визжит у меня над ухом, буравит мне череп до мозга. Его голос толкается у меня в легких. Вот как громко вопит. Его не унять, ему сзади орут, чтоб заткнулся. Бесполезно.

Чтобы заставить его замолчать, я задаю ему вопрос – во весь голос, перекрикивая толпу.

– Вы за кого? – спрашиваю.

Он умолкает. Вмиг.

Пристально смотрит.

На драку. Потом на меня.

Секунды идут, потом он говорит:

– Я за подпёска... Так надо.

Он посмеивается сочувственно.

– Надо болеть за подпёска.

Вот тут я и смотрю на драку, в первый раз.

– Эй, – что-то не так. – Эй, – я вновь обращаюсь к соседу, потому что в центре орущего дрожащего круга только один боец. Парнишка. Он лихо молотит кулаками, отскакивает, защищается и делает выпады в пустоту.

– Эй, а как так, что дерется один? – это я опять спрашиваю у соседа.

Тот больше не смотрит на меня, нет. Он не сводит глаз с парня в центре круга, который так отчаянно бьется, что никто из зрителей не может оторвать взгляда.

Сосед заговаривает.

Вот ответ.

Сосед говорит:

– Он бьется со всем миром.

И теперь я сам смотрю, как подпёсок в центре круга дерется и держит удар, и падает, поднимается на корточки, потом на ноги, продолжает бой. Он не сдается, как бы жестко ни падал. Он поднимается. Из публики его ободряют криками. А другие смеются и глумятся.

Во мне вскипают эмоции.

Я смотрю.

Глаза у меня набухают и зудят.

– Сможет он победить?

Я спрашиваю и теперь уже сам не могу оторвать глаз от мальчишки в центре круга.

В воскресенье Руб со своими опять крупно пролетели в футбол, команда Стива проиграла без него, а я пошлялся немного по улицам. Меня как-то не тянуло домой. Бывает, домой неохота. Ну, знаете, как оно. Нужно было кое-что обдумать.

Поначалу я дал невеселым событиям вчерашнего дня затуманить мне прогулку. А дорога пошла за стадион «Ламсден», вглубь города, и, должен сказать вам, в городе столько сдвинутых, что к возвращению домой я был рад, что вообще вернулся.

На мне были джинсы и дезерты, утром я принял душ и как следует вымыл голову. Шагая, я все еще чувствовал, как волосы безудержно топорщатся, будто разоблачая меня. Но притом было приятно, что я чистый.

«Может, старик и прав, – думал я. – С этим его брюзжанием, что мы неряхи и позорники... Пожалуй, быть чистым приятно».

Я шел мимо всяких заведений и лавок, и они отползали прочь. Магазины. Кафешки. Еще я прошел мимо парикмахерской, в которой лысый чувак стриг клиенту локоны с таким остервенением, что я даже струхнул. Мне все время попадается что-нибудь в этом роде – какое-то глумление над людьми, и я при этом спотыкаюсь или сбиваюсь с шага от удивительной жути. Или мнусь от неловкости. В тот день, помню, от беспокойства стал приглаживать волосы, но они тут же опять встопорщились.

В общем, ни день, ни прогулка не принесли ни удачи, ни ободрения, которых я искал.

Я шел и шел.

Вы так делали когда-нибудь?

Идти, чтобы идти.

Идти без малейшего понятия, куда.

Не сказать, что веселое занятие, но и не мука. Я был как бы одновременно свободным и в клетке: словно во всем мире только я сам и мог не дать себе веселиться или унывать. Как всегда, вокруг шумели машины, и от этого чувство, что я не отсюда, только усиливалось. Не было ничего замершего. Все двигалось. Одно превращалось в другое. Точно как и я.

С каких пор ли у меня внутри есть что-то к девушке?

С каких пор я стал волноваться за сестру и за то, как у нее все складывается?

С каких пор мне не все равно, что там на уме у Руба?

С каких пор я прислушиваюсь к Стиву «История успеха», и мне не наплевать, смотрит ли он на меня сверху вниз?

С каких пор я стал бесцельно бродить по округе? Бродить, чтоб не сказать рыскать, по улицам?

И тут меня как стукнуло.

Я одинокий.

Я был одиноким.

Отпираться ни к чему.

Все точно.

Понимаете, я никогда не был таким, чтобы куча друзей, своя компания. Кроме Грегга Финни у меня и друзей-то никогда не водилось. Я вроде как оставался сам по себе. Меня это бесило, но я и гордился этим. Кэмерону Волфу никто не нужен. Он не стремится ходить в стае. Не всем это надо. Нет, Кэмерону требуется лишь его чутье. Ему нужен только он сам, и он умел выдержать и бокс на заднем дворе, и походы-грабежи, и любой другой позор, что на него сваливался. Так почему же я теперь так странно себя чувствовал?

Давайте начистоту.

Не иначе, тут вмешалась эта девчонка.

Не иначе.

Но нет.

Дело было во всем сразу.

В моей жизни.

Она усложнялась.

Моя жизнь, и, шатаясь по бегучим улицам, я видел над собой небо. Видел здания, убогие домишки, копченую сигарную лавку, еще одну парикмахерскую, электропровода, мусор в канавах. Бродяга попросил мелочи, но у меня не нашлось. Город был со всех сторон, перекачивал воздух, будто легкие курильщика.

Я остановился как вкопанный, уловив, что все хорошие мысли из меня улетучились. Может, они выплеснулись из меня и достались бродяге. Может, растворились где-то у меня в животе, а я и не заметил. И вот осталось только непонятное беспокойство, какое не объяснишь. Ну и картина. Ну и ощущение. Кошмар да и только: тощий парнишка один стоит посреди улицы. Вот такой сухой остаток. Один, и я не видел в себе способностей справиться с этим. Так внезапно. Да, довольно внезапно, я

понял, что больше не могу уживаться со своей одинокостью.

Выходило ли, что это мне навсегда?

Всю жизнь мне мириться с этими сомнениями в себе самом и в устройстве окружающей жизни? Всегда ли я буду чувствовать себя таким ничтожным, что от этого больно, и даже самый отчаянный вопль и рев из моей глотки оказываются на деле жалким скулежом? И так внезапно застывать посреди улицы и влипнуть в тротуар?

Всегда ли буду?

Всегда ли?

Всегда?

Страшные раздумья, но я отлип от тротуара и продолжил путь.

«Завязывай думать, – приказал я себе. – Не думай ни о чем». Но даже это ничто не было пустотой. Оно было мыслью. Мысль осталась, и канавы по-прежнему были полны туго набитыми потрохами большого города, выпущенными наружу.

Я не очень-то верил, что разберусь со всем этим сам, но все равно шел, пытаюсь докопаться до какой-нибудь новой идеи, от которой жизнь снова станет веселее.

«Нельзя уж так переживать», – сказал я себе потом, добравшись до Центрального вокзала. Я потоптался у газетного киоска, разглядывая обложки «Роллинг Стоун» и прочего такого. Конечно, пустая трата времени, но я все равно. Будь у меня с собой деньги, я бы сел на электричку до набережной, чтобы поглазеть на мост и море с кораблями. Может, там оказался бы мим или еще какой бедняга, которому я все равно не смог дать денег, потому что их у меня не было. С другой стороны, будь у меня на электричку, глядишь, нашлись бы и на скромного уличного артиста. А может, и на паром через гавань. Может. Может...

«Может быть» стало меня раздражать, потому что без изменений осталось лишь одно – это самое «может быть», может быть, присохнет ко мне навечно.

Может, внутри у той девушки что-то возникло ко мне.

Может, у Сары с Брюсом все наладится.

Может, Стив вернется на работу и на футбольное поле быстро, как он сам думает. Может, однажды он перестанет смотреть на меня свысока.

Может, отец когда-нибудь станет мной гордиться, может, когда мы закончим работу у Конлонов.

Может, когда-то и маме не придется вечерами стоять у плиты и после целого рабочего дня готовить сосиски с грибами.

Может, я смогу готовить.

Может, Руб однажды вечером расскажет, что творится у него в голове. А может, он отрастит бороду до земли и станет каким-нибудь мудрецом.

Может, у меня когда-нибудь появится парочка хороших друзей.

Может, все это пройдет к завтраму.

Может, нет.

«Может, надо пешком дойти до Круглого причала», – подумал я, но решил иначе, поскольку без всякого «может» предки бы всыпали мне за поздний приход.

Пятьдесят раз прослушав парня по трансляции с его «Поезд с платформы семнадцать отправляется до Макартура», или куда он там отправлялся, я потопал домой, уже с обратной стороны наблюдая все свои сомнения. У вас так бывало? Как после каникул, если уезжал. Возвращаешься, и все вроде то же самое, но воспринимается как-то слегка иначе, чем до отъезда. Потому что смотришь задом наперед.

Так мне казалось и в тот раз, и, когда вернулся, я затворил нашу ломанную вялую калитку, прошел в дом и сел на диван. Рядом с той вонючей подушкой. Напротив Стива.

После получаса повтора «Напряги извилины» и куска новостей в комнату зашел Руб. Он сел, глянул на часы на руке и проворчал:

– Черт бы драл, маман прям тормозит с ужином.

Я посмотрел на него.

Может, я знал его.

Может, нет.

Стива я знал, потому что он проще. Успешные все такие. Они точно знают, чего хотят и как будут этого добиваться.

– Лишь бы не как обычно, – вступил я в разговор.

– Что?

– Обычный ужин.

– А, угу, – Руб помолчал. – Она ж другого не готовит, а?

Тут я должен признаться, что за все это нытье про ужин мне теперь очень стыдно, особенно когда столько людей на улицах попрошайничает на еду. Но, так или иначе, нытье случилось.

И, так или иначе, я был в восторге, когда узнал, что в этот воскресенье на ужин у нас не грибы.

Может, жизнь наконец начинала меняться к лучшему.

Опять же, может, и нет.

Я бегу.

Гонюсь за чем-то, чего, похоже, не существует, и то и дело говорю

себе, что бегу за тем, чего нет. Говорю, что пора остановиться, но не останавливаюсь.

Город мечется вокруг меня в ярком дневном свете, но на улицах ни души. Никого в зданиях, в домах и квартирах. Никого нигде. Поезда и автобусы едут сами по себе. Они знают, что делать. Они дышат, но, кажется, только выдохами, без вдохов. Ровно источают бесчувствие, и я там один.

По дороге разлита кока-кола. Бежит в стоки, будто кровь.

Гудят клаксоны.

Хрипят тормоза, потом машины катят дальше.

Я шагаю.

Никого вокруг.

Никого вокруг.

Странно, думаю я, как это все работает – совсем без людей? Может, люди там есть, просто я их почему-то не вижу. Жизнь истерла их до полного исчезновения из моей видимости. Может, их поглотили собственные пустые души.

Голоса.

Я слышу голоса?

На перекрестке тормозит машина, и я чувствую, что на меня кто-то глазеет, – но это пустота глазеет на меня. Машина отъезжает, и я слышу голос, но он затихает.

Бегу.

Я гонюсь за той машиной, даже не оборачиваясь на пламенные светофорные «Стойте», что сверкают на меня красными ногами и бьют по ушам на случай, если я слепой.

А я слепой?

Нет. Я вижу.

Бегу дальше, город несется мимо, будто меня тащит какая-то нечеловеческая сила. Врезаюсь в невидимых прохожих, но не останавливаюсь. Вижу... машины, дорогу, столб, автобус, белую разметку, желтую разметку, перекресток, «Идите», поморгал, «Стойте», смог, канава, не споткнись, кафе, оружейный магазин, ножи дешево, реггей, диско, девушки-досуг, рекламный щит Келвина Кляйна – мужчина и женщина в белье – громадный. Провода, эстакада, зеленый свет, желтый, красный, все три, иди, стой, бегом, бегом, на ту сторону, Внимание при левом повороте, Говард Шауэрс, люк, «Спасите Восточный Тимор», стена, окно, спиртные напитки, «Ушел на обед, буду через 5 минут».

Времени нет.

Бегу, пока штаны не рвутся, а вместо ботинок не остаются мои собственные подошвы да клочки тряпья вокруг лодыжек. Пальцы кровят. Я шлепаю по коле и пиву. Брызги вверх по ногам, потом стекают вниз.

И никого.

Где все?

Где?

Лиц нет, есть движение.

Я падаю. Выключаюсь. Разбитой головой в канаву. Прихожу в себя.

Не сразу.

Все изменилось, и теперь люди повсюду. Всюду, где им и положено быть: в автобусах, в поездах, на улицах.

– Эй, – кричу я мужику в костюме, ждущему зеленого на перекрестке. Он вроде как что-то и услышал, но шагает прочь, едва загорается нужный сигнал.

Люди идут прямо на меня, и, могу поклясться, стараются затоптать меня.

И тут я понимаю.

Они шагают прямо по мне, потому что не видят меня.

Теперь я стал невидимкой.

Должен признаться: всю неделю мы с Рубом крутили старые фокусы. Опять. Ничего не могли с собой поделаться.

Опять грабежи.

«Один кулак». Опять.

Ну а чем, на фиг, нам еще оставалось заниматься?

Идея, которую придумал я, – футбол, сокер или как его ни назови, на заднем дворе.

Вообще говоря, это надо было.

Прямо надо.

Честное слово.

Может, я затем предложил это Рубу, что после того облома со знаком он совсем повесил голову. Что и говорить: если у тебя все получилось, но потом ты все-таки придумал способ снова пролететь, тут, конечно, падешь духом. Руб даже не признавал, насколько его это задело. Каждый вечер он молча сидел и скреб свою щетинистую челюсть зловещей скорбной пятерней. Волосы у него были, как всегда, сальные, свисали на уши и кусали его за спину.

– Идем. – Я упрашивал его играть.

– Не.

Так у нас обычно и шло. Я как младший вечно хотел, чтобы Руб чем-то со мной занялся: то в «Монополию» поиграл, то мяч попинал во дворе. А Руб старший, за ним всегда оставалось решение и последнее слово. Если ему не хотелось чем-то заниматься – мы и не занимались. Может, поэтому я всегда так охотно шел с ним на «грабежи» – просто потому, что он хотел, чтобы я пошел. Попытки заняться чем-нибудь вместе со Стивом мы оставили много лет назад.

– Идем, – я не отставал, – я мяч накачал, и ворота готовы. Иди погляди. Я их нарисовал мелом на заборе, с обеих сторон.

– Одинаковые?

– Два метра в ширину, примерно полтора в высоту.

– Ладно, ладно.

Он поднял взгляд и вяло улыбнулся, впервые за несколько дней.

И я опять:

– Ну, играем? – С задором совсем уж через край.

– Ладно.

Мы пошли во двор, и было здорово.

Абсолютно здорово.

Руб падал на бетон и подымался. Два раза. Он поливал меня на чем свет стоит, когда я забивал, и завелся не на шутку. Кривой удар по воротам, и мяч полетел вроде за ограду; мы затаили дыхание и выдохнули, когда он, ударившись о край, отскочил обратно во двор. Мы даже улыбнулись друг другу.

Все вышло так восхитительно в основном потому, что на Руба как раз навалился какой-то кризис самоопределения, а я пребывал в своих обычных страданиях по поводу истории с Ребеккой Конлон. Нам стало гораздо легче. Да. Потому что мы вдруг вернулись к занятиям, которые получались у нас лучше всего: валяться и валять друг друга по двору, гваздаться в грязи да обязательно браниться, молоть чепуху и, если получается, подпакостить соседям. Уж так, без вопросов, легче. Это было радостное возвращение к старым добрым временам.

Мяч грохнул в забор так, что соседский песик залился лаем, а попугаи в клетке заверещали как резаные. Я словил мощный пинок по ногам. Руб грохнулся и ободрал руку, на которую падал. Все время соседская собачка разорялась, а попугаи вопили как сумасшедшие. Все было точно в старые времена, и Руб, по обычаю, выиграл 7:6. Но мне-то проигрыш был до лампочки, ведь все равно мы оба хохотали и не принимали ничего слишком всерьез.

На заднем крыльце нас, однако, ждало кое-что совсем другое.

Там была Сара, одна.

Первым ее заметил Руб. Он тихонько шлепнул меня по руке обратной стороной ладони и мотнул головой в сторону крыльца.

Я посмотрел.

И тихо-тихо сказал:

– Ой-ой.

Сара подняла глаза: должно быть, услышала мои слова, и, уверяю вас, ее вид мне совсем не понравился. Помятая, уткнулась в колени, обхватила их руками, будто старалась задержать в себе воздух. Лицо рассекали слезы.

Неловко.

Вот точно так и было, когда мы подошли к сестре и стали по бокам, глядя на нее, чувствуя всякое и не зная, что сейчас делать.

Постояв, я сел рядом с ней, но никак не мог придумать, что сказать.

В конце концов Сара сама нарушила молчание. Соседская собачонка утихла, и, казалось, вся округа онемела от происходившего у нас на заднем крыльце. Будто оно чувствовалось всеми. Все чувствовали, что тут какая-то

драма и беспомощность; по правде сказать, это меня удивило. Настолько я привык, что все просто происходит, равнодушно и безучастно к любым переживаниям.

Сара заговорила.

Заговорила Сара:

– Он нашел другую.

– Брюс? – спросил я, на что Руб скорчил мне изумленную рожу.

– Нет, – гаркнул он, – шведский, блин, король. А кто, ты думаешь?

– Ладно, я понял!

Тут Сара откинулась назад и сказала:

– Знаете что, уйдите пока от меня, а?

– Ладно.

Я поднялся и ушел с крыльца вместе с Рубом, и тут город вокруг как будто вновь стал холоднее самого холодного, и я понял: даже если он и вправду заметил, что у нас тут не все ладно, ему на это плевать с высокой колокольни. Он двинулся дальше. Я это чувствовал. Его смех почти раздавался у меня в ушах, ощущался на вкус. Он близко. Он смотрит. Насмехается. И холодный, такой холодный – смотрел, как моя сестра истекает кровью у нас на заднем крыльце.

Дома Руб дал выход гневу.

– Ну, видишь? – сказал он. – Не было печали.

– Это должно было случиться.

Говоря, я увидел, что на переднем крыльце сидит Стив.

Сам по себе.

– Да, но чего сегодня?

– А чего нет?

Сидя на диване, я разглядывал старое фото: Стив, Сара, Руб и я, еще совсем детишки, застыли разноэтажным строем перед каким-то фотографом. Стив улыбается. Сара улыбается. Мы все улыбаемся. И это было так странно: фотография все время висела на этом месте, а я, по сути, только что ее заметил. Улыбка Стива. Ему не плевать – на нас. Улыбка Сары. Так здорово. Мы с Рубом на вид чистые. Все четверо юные и неукротимые, и улыбки у нас такие радостные, что от них я тоже разлыбился прямо там на диване, страдая о какой-то своей потере.

«Куда все подевалось?» – спрашивал я себя. Я даже не помнил, когда нас так сняли. Может, и фотография ненастоящая?

В эту минуту Сара сидела на крыльце в слезах, а мы с Рубом валялись на диване и не могли ей ничем помочь. Стиву же вроде не было дела – ни до кого из нас.

«Куда все подевалось?» – вновь подумал я. Как могла та картинка превратиться в эту, нынешнюю?

Годы ли нас сломили?

Укатали нас?

Прошли, как белые облака-громады, и растаяли так медленно, чтобы мы и не заметили?

В общем, все складывалось как-то погано, а скоро стало еще хуже.

Еще хуже стало в тот вечер, когда Сара ушла из дома и все никак не возвращалась.

Уходя она сказала: «Пойду пройдусь», – и исчезла надолго. Сначала никто из нас не тревожился, но едва стрелки переползли одиннадцать, все всполошились. Даже Стива, похоже, чуточку задело.

– Пошли, – объявил отец, – Идем ее искать.

Никто не возразил.

Мы с Рубом и мать с отцом сели в фургон и поехали на поиски, а Стив остался дома на случай, если Сара появится, пока все ее ищут. Мы поехали по барам и по домам ее подруг. Даже к Брюсу. Пусто. Ее не было нигде.

К полуночи мы вернулись домой: Сара еще не явилась, и нам осталось только ждать.

Каждый из нас ждал по-своему.

Мама сидела молча и ни на кого не глядя.

Отец кружку за кружкой заваривал кофе и поглощал, как не в себя.

Стив то клал на ногу грелку, то снимал ее, а ногу решительно держал кверху.

Руб что-то тихонько бормотал под нос, раз пятьсот, не меньше. «Убью этого подонка. Убью подонка. Доберусь я до этого Брюса Паттерсона. Убью подонка... Убью. Убью...».

Ну а я, сцепив зубы, лежал подбородком на столе.

Спать пошел только Руб. Остальные ждали.

– Не слышно? – спросила мама, проснувшись в час ночи.

– Нет. – Отец покачал головой, и скоро мы все клевали носами под воспаленным белым шаром кухонного плафона.

Позже начался сон.

Прервали.

– Кэм?

– Кэм!

Меня трясли.

Я подскочил.

– Сара?

– Не. Я.

Это был Руб.

– А, ты, черт.

– Ага. – Он ухмыльнулся. – Ее так и нет?

– Нет. Если не прошла мимо нас прямо спать.

– Не, не прошла.

Вот тут мы и заметили кое-что еще: Стива тоже не было.

Я проверил в подвале.

– Пусто.

Я посмотрел на Руба. На этот раз мы с ним вдвоем вышли на крыльцо и дальше на улицу. Черт, где Стив?

– Погоди. – Руб повернулся, взгляделся в темноту. – Вот он.

Наш брат сидел под телеграфным столбом, привалившись к нему спиной. Мы подбежали. Остановились.

– Ты чего здесь? – спросил Руб.

Стив поглядел на нас, и я никогда не видел его таким испуганным и стянутым в узлы. Он казался совсем хлипким, но все равно мужиком: он всегда выглядел мужиком. Всегда... но не как в тот раз. Не ранимым.

Костыли будто мертвые руки лежали полешками рядом с ним.

Медленно, жалобно наш брат проговорил:

– Наверное... – он осекся. И продолжил – Я хотел ее найти.

Мы промолчали, но, думаю, пока мы помогали Стиву подняться и доковылять до дому, он должен был понять, чем и как живем мы с Рубом и Сара. Он понял, каково это: упасть и не знать, сможешь ли подняться, и ему стало страшно. Страшно, потому что мы поднимались. Мы всегда поднимались. Всегда.

Мы проводили его до дома.

Мы...

И снова все сидели на кухне, но не заснули только мы с Рубом. Сидели в тишине, и вдруг он мне что-то зашептал. То же, что прежде.

– Слушай, Кэм, – сказал Руб, – надо выловить этого Паттерсона, – Руб говорил так уверенно. – Мы его выловим.

А я слишком устал, и потому сказал только:

– Само собой.

Потом Руб отключился, вслед за мамой, папой и Стивом. Скоро и у меня глаза будто цементом залило, и я тоже вырубился.

Все пятеро, спим на кухне.

Мне снился сон.

Он будет дальше.

Неплохой сон.

Проснувшись, я увидел, что к тесной компании спящих за кухонным столом добавился еще один участник.

Стою на воротах. Стадион забит под завязку. Наверное, тысяч сто двадцать народу не сводят с меня глаз.

Скандируют.

– Вол-чище! Вол-чище!

Обвожу взглядом трибуны: все ободряют меня, и я всех люблю, пусть они совсем чужие мне люди. Мне кажется, они какие-то южноамериканцы. Бразильцы, что ли. Может, аргентинцы.

– Я вас не подведу, – шепчу я им, понимая, что меня не услышат, даже если заору во всю глотку.

Передо мной выстроилась шеренга: по футболкам – команда-противник.

Это все люди из моей истории: отец, Руб, мама, Стив, Сара, Брюс, безликая новая девушка Брюса, Грег, зубная сестра, зубной, директор школы Деннисон, тетка-инспектор, друзья Руба и Ребекка Конлон.

На мне вся вратарская снаряга: бутсы, закатанные носки, зеленый свитер с ромбами на груди и перчатки. Ночь, и черный воздух прорезывают мощные прожекторы, словно сторожевые башни, громоздящиеся надо всеми нами.

Я в игре.

Хлопаю ладонью об ладонь и чуть приседаю, готовясь прыгнуть за мячом в любую сторону. Ворота за спиной кажутся километровыми в ширину и в глубину. Сетка – рыхлая клеть, она качается и шелестит на ветру.

Выходит отец, устанавливает мяч, кричит, что у нас вроде серия пенальти в финальном матче чемпионата, и теперь все зависит от меня. Отступает, примеривается, разбегается и лупит мячом вправо от меня. Я прыгаю, но дотянуться никакой возможности. Мяч влетает в угол ворот, и отец смотрит на меня и улыбается, как бы говоря: «Прости, парень. Играем по-честному».

Выходит мама. Потом Руб. Оба забивают, Руб с черствой усмешечкой.

– Тебе не светит, солнышко, – приговаривает он.

Все это время у меня в ушах, будто радиопомехи, жужжание толпы на трибунах. Когда я пропускаю, и мяч влетает в сетку, трибуны ревут, а потом стонут – ведь они болеют за меня. Им хочется, чтобы я взял

хоть один, они видят, как отчаянно я стараюсь. Они видят мои ручонки и силу воли в моих губах, и, не слыша звука, чувствуют, как я бью ладонью в ладонь, готовясь к очередному удару. И они всё скандируют.

Мое имя.

Мое имя.

Но нет, как ни стараюсь, я не могу поймать ни одного мяча.

Даже убитая горем Сара пробивает мою защиту. Перед ударом она говорит:

– Не пытайся мне помочь. Бесполезно. Ты здесь ничего не изменишь.

Бьет Стив, и Брюс. Друганы Руба. Все. Наконец выходит Ребекка Конлон.

Идет в мою сторону.

Не спеша.

Улыбаясь.

Говорит:

– Еслиймаешь, я в тебя влюблюсь.

Я киваю, хмуро, сосредоточенно.

Она отступает, разбегается, бьет.

Мяч летит высоко, и я теряю его из виду в свете прожекторов. Наконец замечаю, прыгаю, высоко в правый угол, и мяч, неловко отскочив от моего запястья, бьет мне прямо в лицо.

Я падаю с мячом на газон.

От удара о землю он выскакивает из моих рук и катится, медленно-медленно, через линию, в сетку ворот.

Конечно, я бросаюсь за ним, но поздно. Не допрыгиваю – и в мгновение ока я один, не на стадионе, а на нашем залитом солнцем заднем дворе, сижусь, привалившись к забору, с разбитым носом.

Мы собирались выловить его быстро. Какой смысл выжидать недели. Если ждать, то горячее желание отомстить может и остыть. А мы такого ни в коем случае не могли допустить.

Мы выяснили, что этот Брюс Паттерсон крутил с другой девчонкой уже с месяц, и выходит, изменял Саре, поскольку продолжал ходить и к ней. Это как оплеуха нам всем: мы принимали его у себя в доме, а он тем временем окучивал какую-то клюшку по всему городу.

– Мы его отлупим? – спросил я у Руба, но тот лишь с насмешкой поглядел на меня.

– Ты серьезно? Посмотри на свои габариты. Ты чихуахуа, а Паттерсон, блин, – шкафина. Ты вообще понимаешь, что этот чувак с тобой сделает?

– Ну, я думал, что нас-то двое.

– Да я сам хилак, – резко отшил меня Руб. – Конечно, борода у меня вовсю прет, но Брюс убьет нас обоих.

– Да, точно говоришь.

Дальше случилось кое-что неожиданное.

Раздался стук в дверь, больше похожий на робкое царапанье, и, открыв, я увидел на пороге своего бывшего лучшего друга Грега.

– Можно войти? – спросил он.

– Сам как думаешь?

Я отворил москитную сетку, и он вошел, оглянувшись перед этим на Стива, который с мрачным видом сидел, как всегда, на крыльце.

Войдя, Грег поздоровался с Рубом словами «Привет, Волчище», на что Руб пригрозил выбросить его за дверь.

Грег извинился, и я провел его к себе.

Он сел у окна, привалившись к стене. И молчал.

– Ну, – спросил я, сидя на кровати, – ничего, если я все же спрошу, каким ветром тебя принесло?

– Я за помощью, – последовал быстрый и прямой ответ.

Грег запустил обе руки в волосы, и с него посыпалась перхоть. У Грега всегда была эта проблемка. Ему нравилось в школе трясти перхоть на парту.

– Какого типа? – уточнил я.

– Деньги.

– Много?

– Три сотни.

– *Три сотни!* Ни фиги себе, ты куда вообще, блин, впутался?

– А, не спрашивай. Так... – Он слегка поморщился. – У тебя есть?

– Во дает, три сотни. Не знаю.

Я полез под свой участок ковра и вынул, что там у меня было заначено. Восемьдесят баксов.

– Вот, тут у меня восемьдесят.

Нашел свою банковскую книжку и посмотрел сумму: на ней лежало еще сто тридцать.

– Ага, итого двести десять. Все, чем могу.

– Черт.

Я тоже сел на пол, спиной опершись на кровать, и спросил:

– Ты только скажи, зачем они тебе, угу?

Грег мялся.

– Скажи, или не дам.

Это была ложь, и мы оба это знали. Мы понимали, что я уже отдал Грегу деньги и что я даже не попрошу его вернуть. Вот и все. Но это, по крайней мере, он мне был должен. Должен был сказать, куда уйдут мои кровные.

– Эх, – сдался Грег. – Один из ребят, Дейл. Знаешь его?

Дейл Перри.

Ну да, Дейла Перри я, конечно, знал. Чувак того самого типа, что я терпеть не мог: он всегда вел себя так, будто всё кругом – его, и я его на дух не выносил. В прошлом году на коммерции (не стоило мне выбирать этот предмет) он взял металлическую линейку, нагрел ее на калорифере и приложил мне к уху, было адски больно. Вот кем был Дейл Перри. Еще он оказался в той шайке на футболе, с которой болтали клевые девчонки.

– Знаю такого, – спокойно подтвердил я.

– Ну вот, пара его старших друзей, им нужен был парень, чтобы забрал для них дурь. На три сотни баксов.

– Дурь?

Конечно, я прекрасно знал, что такое дурь, но мне подумалось, что лучше не упрощать Грегу задачу. В конце концов, я ему отдавал все свои кровные до последнего цента. Вот тебе и стерео, вот тебе и «что-нибудь еще». Вот тебе наличные, горбом заработанные в последние недели у отца. Все уплывало в унитаз, потому что мой бывший лучший друг явился ко мне, зная, что я единственный чел, который его не подведет. Никто из этих новых друзей не выручил бы его, а вот старый сможет.

Странновато.

Вам не кажется?

Дело не столько в том, что старый друг лучше новых двух. Просто ты знаешь человека лучше и понимаешь, что ему плевать на то, каким жалким лебезящим идиотом ты будешь выглядеть. Он знает, что ты для него сделаешь то же. Я знал, что Грег выручил бы меня, случись все наоборот.

Так что да.

– Дурь? – переспросил я, – Что еще за дурь такая?

– Ты понял, – ответил Грег.

Тут я ему спустил.

– Да понял, понял.

– Да там ерунда, несерьезное, – продолжил Грег, – но до фи́га много. Там было человек десять скинувшихся, но всем было лень идти забирать, – Грег еще чуток сполз по стене. – Я пакет-то забрал, без проблем, но плохо вышло, что пришлось держать ее у себя до утра.

– А-а.

Я расхохотался, закинув голову. Я почти не сомневался, что понял, как в точности было дело.

– Да, точно, – Грег кивнул. – Маманя, блин, нашла пакет у меня под кроватью, а батя швырнул в камин. А это все равно, что подписать мне смертный приговор. Не могу поверить, что старик швырнул ее прямо в огонь, слышь.

К этому моменту я валялся от смеха, поскольку живо представил себе Грегова старика – мелкого, кучерявого и жилистого бандита, как он, костеря всё и вся, бросает в камин пакет с дурью. Тут и Грег тоже рассмеялся, хотя, смеясь, он повторял: «Не смешно, Кэм. Не смешно».

Но это было смешно, и только поэтому Грег получил свои деньги.

Он их получил, потому что я рассказал все Рубу, и тот отстегнул недостающие девяносто баксов, хотя и пригрозил при этом, что убьет Грега, если тот не вернет должок в темпе вальса. В итоге мы договорились, что Рубу я отдам с денег, которые заработаю у отца в следующем месяце или около того, и все будут довольны. А Грег потом рассчитается со мной.

У Грега прямо по лицу было видно, как он расслабился. Едва деньги оказались у него в руках, все его напряжение улетучилось.

В соседней комнате Сара лежала на кровати, разбитая на тысячу осколков.

Мы прошли мимо нее на задний двор, где принялись пинать мяч в нарисованные на заборе ворота.

В ворота мы вставляли по очереди. Это я предложил (в основном из-за того сна, что мне приснился прошлой ночью), и я лишь надеялся, что нос

мне не расквасят. Впрочем, Ребекки Конлон с нами не было, верно? Я счел, что беспокоиться в общем-то не о чем.

Само собой, соседская собачка пустилась брехать, а попугаи впали в бешенство.

Игра была в самом разгаре, и тут Руб стал звонить друзьям. Разговор произошел такой:

- Алё.
- Алё, Саймон. Это Рубен.
- Рубен. Привет. Как сам?
- Норм. Подходи?
- А че, подойду. Вроде недалеко.
- Возьми Сыра и Джеффа.
- Лады.
- Пока.
- Пока.

Когда все собрались, у нас пошла самая настоящая игра.

Раз за разом мы грохали мячом в забор, стараясь по полной использовать свободу, пока не вернулись предки. Вы бы слышали эти удары! Бдыщ. Бдыщ. Мяч лупил по обоим воротам, и грохот разносился по всей округе, а следом крики и брань.

В моей команде были Джефф, Грег и я, и мы вообще-то выигрывали, пусть даже были меньше и слабее, чем команда Руба. Вот как нам хотелось.

При счете 4:2 соседская шавка вдруг перестала лаять.

- Стойте! Стойте! – заорал я, заметив это. – Слышите?
- Что?
- Собака.
- Оба-на, точно. Замолчала.

Я влез на забор и заглянул к соседям, и вы не поверите, что я увидел. Собачка сдохла.

- Господи, она, кажется, сдохла, – сказал я, оглянувшись на остальных.
- Чего?!

– Говорю вам. Идите гляньте.

Руб влез рядом со мной, и ему осталось только согласиться.

– Ни фиги себе, и точно, – смеясь, подтвердил он с ограды остальным. – Наверное, из-за нас несчастную козавку хватил сердечный приступ.

- Да ну?
- Или удар.
- Ох ты, – сказал я, – что же мы натворили?

– А что за собака?

Руб вышел из себя.

– А я, блин, знаю?! – заорал он на Сыра. – По-моему, этот... этот...

– Шпиц, – ответил я за него.

– А че это за фигня – шпиц?

– Ну, знаете, – объяснил Сыр остальным, – такая пушистая, на крысу похожая... Наверное, лаял, пока не надорвался.

Даже попугаи в клетке мрачно глядели вниз, на дохлую собачонку.

– Надо что-то делать, – сказал Руб.

– Например? Рот в рот?

– Гляди, она дрожит.

– О, ну здорово, ага.

Я прыгнул к соседям, стянул с себя фуфайку и завернул в нее пса. Руб тоже перелез, а остальная братия зырила с изгороди, как мы гладим пушистую крысообразную собачку, раздумывая, в самом ли деле она отдает концы.

Минут через пятнадцать появился и сосед – пятидесятилетний чувак, у которого язык был злее, чем у нас всех вместе взятых. Вообще говоря, он, в принципе, держал себя в руках, когда метнулся во двор, обозвал нас так и эдак, подхватил своего шпица – по кличке Пушок, кстати, – и помчался к ветеринару.

– Как думаешь, выживет? – спрашивали мы друг друга, вернувшись к себе.

– Не знаю, чувак.

Мало-помалу все разошлись. Грег последним.

– Ну, мужик, – качал он головой, уходя, – я и забыл, как оно все у вас.

– Прежние деньки, ага?

– Точно. – Он кивнул. – Дурдом.

– Именно.

Все и правда было как в прежние времена, но я знал, что бессмысленно думать, будто они продолжатся. Мы оба знали, что в следующий раз он объявится, когда придет отдать долг или часть долга. Так уж оно обстояло в жизни.

Вечером случилось то, что должно было случиться. Сосед.

Он явился указать родичам, что они не в состоянии приглядеть за нами с Рубом, и поскольку только у Руба остались какие-то деньги, то он и заплатил мужику за ветеринара.

Кстати, со шпицем Миффи все обошлось. Это был просто слабенький сердечный припадок. Бедная собака-крыска.

Но для нашей мамули эта история оказалась, можно сказать, последней каплей.

Она усадила нас за кухонный стол, а сама ходила вокруг, орала на нас и отчитывала не дай-те бог. Она даже совала нам под нос деревянную ложку, хотя не лупила нас ею с тех пор, как мне исполнилось десять. Уверяю вас, мы поняли, что она запросто треснет по башке.

– Когда вы уже уйметесь? – орала она. – Сажать друг другу фонари, чертову соседскую собачку доводить до инфаркта. Это позорище... Мне за вас обоих стыдно. *В который раз!*

Даже отцу оставалось сидеть в углу, не открывая рта. Он не смел вставить и слова, боясь попасть под раздачу.

Под конец она совсем разъярилась, хватала очистки из кухонной раковины и, вместо того чтобы бросить в ведро, швыряла на пол, потом поднимала и швыряла снова, теперь мне под ноги.

– Вы как животные! – завопила она громче прежнего. А закончила фразой, которая, кажется, неизменно задевала нас больше всего:

– *Пора взрослеть!*

Нечего и говорить, что мы с Рубом собрали разбросанный мусор и вынесли за дверь, где и остались. Возвращаться в дом мы боялись.

Сара из окна смотрела на нас и, качая головой, улыбалась сквозь боль. Смеялась, и от этого мы и сами немного развеселились. К Рубу тут же вернулась его решимость.

– Мы обязательно выловим этого Паттерсона, – сказал он, – Не думай.

– Надо, надо, – согласился я.

Потом, ближе к ночи, я размышлял о событиях дня: ведь теперь я был должен Рубу еще и свою половину ветеринарного счета. Дела и впрямь покатались под гору, говорю вам.

– Чертов шпиц, – сказал я.

– Ха, – фыркнул Руб, – шпиц со слабым сердцем. Да уж, такое могло случиться только с нами.

Какой-то мужик стоит передо мной на проселочной дороге. Восход.

Смотрит на меня.

Я на него.

Стоим, между нами где-то метров десять, пока наконец я не нарушаю молчание.

– Ну? – спрашиваю я.

– Что «ну»? – слышу в ответ.

На мужике какой-то халат; мужик скребет бороду и пытается

вытряхнуть камешек из сандалии.

– Ну, не знаю. – Это лучшее, что мне приходит в голову. – Ты, вообще, черт побери, во-первых, кто?

Он улыбается.

Смеется.

Стоит.

Подготовившись, повторяет вопрос и тут же отвечает:

– Кто я, черт побери? – Короткий смешок. – Я – Христос.

– Христос? Ты правда существуешь?

– А то, блин.

Я решаю Его проверить.

– Ну а тогда кто я?

– А мне все равно, кто ты. – И Он идет ко мне по дороге, все пытаюсь вытряхнуть камень из тапка. – Чертовы сандалии. – Он шкрябает подошвой оземь, и продолжает: – А вот какой ты – это, знаешь ли, другое дело.

– И какой?

– Жалкий.

– Ага.

Я жму плечами, соглашаясь.

– Тут я могу помочь, – продолжает Он, и я ожидаю дежурной цитаты, которыми кормят нас все эти толкователи Писания, что ежегодно совершают паломничество в нашу школу. Но нет.

Вместо этого Он протягивает мне бутылку с какой-то красной жидкостью и жестом показывает «До дна».

Я спрашиваю:

– Это что?

– Вино.

– Да?

– Вообще-то, нет. Это красная микстура. Пить тебе рановато.

– А-а... так ты зануда.

– Ну, я тут ни при чем. Уж поверь, это не я придумал. Это мой старик не разрешит налить тебе настоящего. Так что претензии к Нему.

– Ладно, ладно. Как Он там поживает вообще?

– Эх, последнее время ему нелегко приходится.

– Ближний Восток?

– Ага, они опять взялись за свое. – Он подходит поближе и шепчет: – Только между нами: на той неделе Он уже почти решил свернуть лавочку.

– Как это? Вселенную?

– Угу.

– Господи Иисусе!

Мои слова Его, кажется, слегка покоробили.

– Ой, да, прости, – говорю я, – так говорить нехорошо, ага.

– Не беда.

– Слушай. – Иисус решает, что пора перейти к делу. – Пришел-то я, чтобы тебе вот передать.

Он что-то вынимает из кармана халата, а я спрашиваю:

– Что там?

– А, чуток мази.

Протягивает мне.

– Для разбитого носа.

– Вот здорово. Спасибоще.

Если вам интересно, как в итоге мы проучили нашего приятеля Брюса Паттерсона, так вот: никак не проучили. Мы все спланировали, подготовили, но не исполнили. Дома постоянно находились дела поважнее: вот хотя бы ледяные мамуля с отцом по отношению к нам с Рубом. Без вопросов, им совсем не по душе был наш образ жизни и то, как мы наострились их огорчать. Вы можете подумать, что эта обледенелость могла бы как-то сдержать наше стремление отомстить Брюсу за Сару, но нет. Вообще-то, нет. Стив тоже советовал нам не вмешиваться. Он вернулся к своим обычным «я вас, ребята, выше» замашкам и сказал нам, что мы дебилы. Все это немного подостудило меня, но не Руба. Он не остывал, и кстати, искренне верил, что мы не были виноваты в сердечном приступе соседской собаки. Он объяснил мне, что не наша вина, если дурной пес хлипкий, как кисель.

– Блин, играть в футбол в собственном дворе законом не запрещено, правда? – спросил он.

– Думаю, нет.

– Ты знаешь, что нет.

– Уж я думаю.

Руб переваривал задачу несколько дней и наконец, найдя меня в комнате, рассказал, каков наш план и что нужно будет делать.

– Кэм, – сказал он, – это будет мое последнее дело.

Прямо что твой Аль Капоне или кто.

– Видишь, это последний подвиг, и я завязываю с грабежами, кражами и хулиганством.

– Как ты можешь завязать с тем, чем никогда не занимался?

– Э, заткнись, а? Не спорю, у меня были крутые виражи, но теперь мне пора остановиться. Сам не верю, что это говорю, но мне пора взрослеть.

Я минутку подумал, недоверчиво так, потом спросил:

– И что мы сделаем?

– Всё просто, – был его ответ. – Яйца.

– Да ну тебя. – Я отвернулся. – Мы можем куда круче каких-то паршивых яиц.

– Нет, не можем. – Это был первый раз, когда Руб говорил на эту тему голосом действительности. – Правда в том, друган, что мы безнадежные.

На это я мог лишь покивать головой. Потом я сказал:

– Ладно.

И так мы решили, что вечером в пятницу пойдем к дому Брюса Паттерсона и забросаем яйцами его роскошную красную машинку. А может, заодно и дверь с окнами. И меня впрямь радовало, что будет последнее «дело», а то я уже начал от таких фокусов уставать.

И еще одно неустранимое обстоятельство осложняло дело больше нужного. Я никак не мог выбросить из головы Ребекку Конлон. Ну вот не мог, и все. Как ни старался. Я думал про нее и гадал, окажется ли она дома в будущую субботу или опять упорхнет жить своей жизнью без меня. Иногда это ранило, а бывало, я убеждал себя, что все это вообще слишком рискованно. «Вон, посмотри на Сару с Брюсом, – говорил я себе. – Я смело поручился бы, что парень так же бредил по Саре, как я по этой девушке, и наверняка давал себе слово, что никогда ее не обидит, в точности как я, – и вот что он с ней сделал. Раздавил всмятку, и она теперь целыми днями не слезает с кровати».

Когда настал вечер пятницы, думаю, у нас с Рубом просто не хватило сил исполнить наш замысел. Нас мутило от самих себя, и, сидя в своей комнате с двумя картонками яиц, мы решили не ходить.

– Ну и ладно, пусть так, – сказал Руб, – Как начнешь про это думать, так выходит, оно того не стоит.

– Ага, а что делать с яйцами? – спросил я.

– Съедем, пожалуй что.

– Чего? По дюжине каждый?

– Наверное.

Мы покамест убрали яйца к Рубу под кровать, но я-то все-таки отправился прогуляться до Брюсова дома.

Я пошел после ужина и, топая мимо Брюсовой тачки, представил, как швыряю в нее яйца. Картина вышла нелепая, чтоб не сказать больше.

Я даже посмеялся, стучась в дверь, но улыбка с меня моментально сползла, когда мне открыла, как я догадался, Сарина замена. Она распахнула дверь и уставилась на меня сквозь москитную сетку.

– Дома Брюс? – спросил я.

Она кивнула.

– Зайдешь?

– Не, тут подожду.

Я остался на крылечке.

Увидев меня, Брюс, кажется, сильно смутился. Не то чтобы мы с ним были великие друзья или что-нибудь. Не то чтобы мы вместе плескались в бассейне или носились вместе по футбольному полю. Нет, мы путем

и не разговаривали, однако я понял: он боится, что я, может, накинусь на него. Но нет.

Я ждал его просто перемолвиться словом. Единственный вопрос. Только он у меня и был, когда мы, облокотившись о перила, стояли и смотрели на улицу.

Я задал его.

– Когда ты только познакомился с моей сестрой, ты давал себе слово, что никогда ее не обидишь?

Он долго молчал, но все же ответил.

– Давал, – сказал он, и еще через несколько секунд я ушел.

Он окликнул меня.

– Эй, Кэмерон.

Я обернулся.

– Как она?

Я улыбнулся, поднял голову уверенно.

– Нормально. Хорошо.

Он кивнул, и я сказал ему:

– Пока.

– Пока, чувак.

Дома вечер еще не закончился. Нас ждал еще акт не вандализма, а символизма.

Где-то в половине девятого в комнату вошел Руб, и что-то было не так. Что же?

Борода исчезла.

Когда он явил семье свое очеловеченное лицо, раздались хлопки и вздохи облегчения. Конец звериному обличью. Конец звериным повадкам.

А я все еще слышал, как Брюс Паттерсон отвечает мне, что он давал слово никогда не обидеть мою сестру. Наш разговор не отпускал меня, даже во время отменно кровавого фильма по телику, который я высидел. Голос Брюса звучал у меня в голове, и я все думал, обидел бы я когда-нибудь Ребекку Конлон, если, конечно, она вообще позволила бы мне быть рядом. А ночью на меня охотились.

Мы в джунглях, я с ней. Лица ее не видно, но я знаю, что со мной Ребекка Конлон. Я тащу ее за руку, и мы несемся, обегая кривые деревья, чьи пальцы – ветки, растопыренные под серым небом как трещины по потолку.

– Быстрей, – подгоняю я.

- Зачем? – она в ответ.
- Затем, что он уже близко.
- Кто близко?

Я молчу, потому что не знаю сам. Единственное, в чем я полностью уверен, – сзади по джунглям нас догоняет топот. Я слышу, как ломаются за нами вслед.

- Бежим, – вновь зову я ее.

Мы выбегаем к реке и бросаемся в воду, торопливо бредем через ледяной поток.

Я замечаю что-то на другом берегу выше по течению и тащу Ребекку туда. Там пещера, она спряталась над водой среди мощных деревьев.

Лезем внутрь. Без слов. Без всяких «Туда».

Она улыбается облегченно.

Я этого не вижу.

Просто знаю.

Мы садимся в дальнем углу пещеры, нам слышно, как снаружи задумчивая речная вода катится вниз, вниз. Медленная. Настоящая. Знающая.

Ее смаривает.

Сон.

- Все нормально, – успокаиваю я ее и чувствую ее в своих объятиях.

У меня глаза тоже пытаются спать, но нет. Они упрямо бдят, а время змеится вперед, и наваливается тишина, словно отмеренная мысль. Я даже реки уже не слышу.

Как вдруг.

Силуэт на входе в пещеру.

Сделав пару шагов, замирает.

Видит.

Нас.

Он вооружен.

Смотрит.

Улыбается.

Даже не видя его лица, я знаю: улыбается.

- Что тебе надо? – я, хоть мне и страшно, спрашиваю спокойно, чтобы не разбудить девушку, которую обнимаю.

Силуэт безмолвен. Шагает к нам. Медленно. Враскачку. Нет.

Раздается звук, будто режут ткань, и на конце оружия в руке чужака курится дымок. Дым поднимается к его лицу, окутывает. Я понимаю, что случилось страшное, и Ребекка Конлон чуть пошевелилась у меня на руках.

Чиркает спичка.

Свет.

Я смотрю на Ребекку.

Вот!

Оно как.

*Она ранена, это точно: я вижу кровь, она капает из ее сердца.
Медленно. По-настоящему.*

*Я поднимаю глаза. Тот держит зажженную спичку, и я вижу его
лицо. Глаза, губы, гримаса – это мои глаза, губы и гримаса.*

*– Ты же слово давал, – говорю я ему, а затем визжу, стараясь
проснуться. Мне надо проснуться и знать, что я никогда не сделаю ей
больно.*

В субботу мы с отцом, как всегда, отправились на работу к Конлонам.

Пожалуй, не буду вас томить (даже если вам до сих пор не все равно), а с порога сообщу, что в этот раз она была дома – и ослепительна, как всегда.

Я все ковырялся под домом, и тут она возьми и появись.

– Привет, на прошлой неделе тебя не хватало, – сказал я ей и тут же мысленно себя обругал: фраза вышла такой двусмысленной. Ну, то есть «не хватало» то ли в смысле не было дома (что я и имел в виду), то ли «Я скучал и страдал, что тебя не было, глупая сучка!»? Я не мог точно сказать, какой из сигналов я послал. В общем, оставалось только надеяться, она подумает, будто я просто говорю, что мы не виделись. В такой ситуации нельзя слишком показывать страдание, даже если собственное сердце выжигает тебя изнутри.

Она сказала:

– Ну...

Боже мой, она сказала это тем самым голосом, который и делал ее настоящей.

– Я нарочно ушла.

Что еще за чертовщина?

– Что? – осмелился я спросить.

– Что слышал. – Она заулыбалась. – Я ушла...

– Из-за меня?

Она кивнула.

Это плохо или хорошо?

По голосу, дело плохо. Хуже некуда.

Но в то же время и хорошо, в каком-то болезненном, извращенном смысле. Дразнила она меня?

Нет.

– Не хотела оставаться дома, потому что, – она сглотнула, – боялась выставить себя душой – как в тот раз.

– В тот раз? – переспросил я, растерявшись. Разве не я в тот раз сморозил глупость? Конечно, это я выдал «Мне нравится здесь работать». Я вспомнил и поморщился.

Под домом мы оба стояли, пригнувшись, деревянные брусья нависали сверху, предупреждая, что, если забудешься, набьешь приличную шишку.

Я помнил, что выпрямляться нельзя.

– Но ты хоть *что-то* сказал, – не сдавалась она.

Внезапно меня прорвало.

Я сказал:

– Я бы тебя не обидел. В лепешку бы расшибся, старался. Даю слово.

– Что, прости? – Она немного отступила. – Ты это о чем?

– Ну, я в смысле, если... Хорошо выходные-то прошли тогда?

Ерунду. Болтай ерунду.

– Ага. – Она кивнула и осталась стоять, где стояла. – У подружки была. –

И тут у нее выскочило: – Потом пошли к одному парню, Дейлу.

Дейл.

Почему это имя прозвучало так знакомо?

Ой, нет.

Вот это отлично.

– К Дейлу Перри?

Дейл Перри.

Друган Грега.

Как положено.

Вот такой герой.

Было видно, что он ей вовсю нравится.

Больше, чем я.

Он был из победителей.

И нравился людям.

Грегу вот.

Хотя в беде тот пришел ко мне.

– Ага, Дейл Перри. – Она с улыбкой кивнула и подтвердила мои худшие страхи. – Ты его знаешь, что ли?

– Знаю.

Тут до меня дошло, что эта Ребекка Конлон вполне могла быть среди тех девчонок в компании на стадионе Ламсден, в тот день, будто десятки лет назад. Я вспомнил, что там были девочки вроде нее. С такими же настоящими волосами. С такими же настоящими ногами. С такими же... Все сходилось. Ребекка Конлон была здешняя, и красивая, и настоящая.

Дейл Перри.

Я едва не рассказал, как этот Дейл с год назад чуть не сжег мне ухо, но взял себя в руки. Не хотел, чтобы она решила, будто я из тех по-черному ревнивых ребят, которые ненавидят всякого, кто лучше них, – а я, вообще-то, был парнем именно такого типа.

– Моей подружке кажется, я ему нравлюсь, но я не уверена...

Она говорила что-то еще, но я не мог заставить себя слушать. Ну не мог, и все. Какого черта она вообще мне все это сообщает? Не потому ли, что я всего лишь сын сантехника и хожу в старую государственную школу, а она-то, не иначе, в школу Святого такого-то или типа того? Или потому, что я такой безобидный парнишка и не могу укунить?

Что ж, я был к этому близок.

Я готов был оборвать ее: «Ну и проваливай со своим Дейлом Перри», – но стерпел. Я слишком любил ее и ни за что не огорчил бы, как бы ни был огорчен сам.

Вместо этого я спросил, знает ли она Грега.

– Грег Файнс или как-то так?

– Финни.

– Знаю, ага. А ты его откуда знаешь?

И вдруг почему-то у меня навернулись такие слезищи.

– А, – ответил я, – мы раньше дружили. – И отвернулся, чтобы взяться за работу и спрятать глаза.

– Он был твой друг?

Проклятая девчонка!

– Лучший друг, – признался я.

– Ой.

Она смотрела сквозь мою спину. Я это чувствовал.

Я думал, дойдет ли до нее хоть теперь. Может. Наверное. Да, видимо, потому что она ушла с нарочито дружелюбным «Ладно, пока-а». Не слышал ли я такого раньше? Само собой, слышал, и потому реальность вспорола мне горло.

В отличие от досады прошлой недели, эта размолвка не подхлестывала меня в тот день. Нет, на этот раз я день проковылял.

Я чувствовал внутри какую-то гадость.

Ковылял.

Отец заметил и выдал мне пару ласковых за разгильдяйство, но я не мог собраться. Старался не передать, как, но хребет у меня был сломан. Дух уничтожен.

У меня был случай одернуть ее.

Я мог бы ее обидеть.

Не стал.

Это не утешало.

За работой постоянно приходилось собирать себя в кучу, и это было тяжело. Ну просто каждый шаг через терпез. Пузыри на руках лопались,

и чувства подбирались к глазам. Я стал втягивать воздух, чтобы набрать полные легкие, а закончив работу, вылез из-под дома и стоял столбом, ждал. Мне всерьез хотелось грохнуться на землю, но я держался.

Я казался себе грязным, паршивым и больным – только оттого, что это я. Да что со мной вообще?

Я казался себе бешеной собакой из книги, которую мы читали в школе, – «Убить пересмешника». Собака, она хромала и капала слюной на дорогу, и отец, Аттикус, удивил сына – пристрелил ее.

Я иду по ограде, которая кажется бесконечной. Но откуда-то я знаю, что она все же где-нибудь да кончится. Я знаю, что она будет тянуться столько же, сколько моя жизнь.

– Не останавливайся, – приказываю я себе.

Руки в стороны, поддерживаю равновесие.

С обеих сторон воздух и земля пытаются вынудить меня к прыжку.

В какую сторону прыгать?

Час ранний, раннее утро. То время, когда еще темно, но ты знаешь, что день уже наступает. Синева сочится сквозь черноту. Звезды меркнут.

Ограда.

То она каменная, то деревянная, а то и вовсе из колючей проволоки.

Я иду по ней, и меня постоянно сманивают ее края.

– Прыгай, – шепчет каждая сторона. – Прыгай сюда.

Расстояние.

Где-то там, вдали лают собаки, но голоса у них будто человечьи. Собаки лают, но я озираюсь и не вижу их. Только лай, он и следит, как я иду по ограде.

В небе лиловеет.

Немеют ноги.

Мурашки бегут по правому боку.

Страх удара.

Переставляю ноги.

Никого.

Шаг за шагом.

Впереди колючая проволока.

Куда спрыгивать?

Кого слушать?

Маргаритковое солнце, каштановое небо.

Верхний краешек солнца – насупленность.

Нижний край – улыбка.

Пасмурный день.
Небо обложено мыслями.
Мысли и есть небо.
Ступаю по ограде.
По одну сторону ограды победа...
По другую... поражение.
Иду.
Иду, держусь.
Решаю.

Пот ручьем.
Он выпадает на меня, кем-то пущенный, струится по лицу.
По одну сторону победа.
По другую поражение.
Облака нерешительны.
Они пульсируют в небе, как барабан, как сердце.
Я решаю...
Я прыгаю.
Вверх. Ввысь.

Ветер подхватывает меня, и высоко в небе я понимаю, что он вынесет меня на ту сторону ограды, на какую захочет.

И куда я ни упаду, уже скоро, я знаю, что придется снова влезть на стену и идти дальше, но пока я еще в воздухе.

Куда я пошел потом?

Что я делал?

Как все повернулось?

Что ж, в принципе, уже конец, и на нескольких оставшихся страницах будут все ответы. Не думаю, что они вас удивят, хотя все бывает. Мне неизвестно, умница вы или тупица. Откуда мне знать, вдруг вы Альберт Эйнштейн или выиграли какую-нибудь премию по литературе, а может, вы просто средний человек, как и я.

Так что можно перейти сразу к делу: я расскажу вам, чем все, в общем, закончилось в ту зимнюю пору моей жизни. Конец начинается так:

Уныние.

Я кис все воскресенье и в понедельник в школе. Внутри у меня что-то колыхалось, поднимаясь из живота, оно вытягивало руки и изнутри сдирало с меня кожу. Жгло.

В среду в школе я перекинулся парой слов с Грегом: в основном из-за того, что увидел на его лице следы побоев.

– Что с тобой случилось? – спросил я, столкнувшись с ним на дорожке.

– Да, фигня, – ответил он, – ничего.

Но нам обоим было предельно ясно, что ребята, которым он покупал дурь, все же не оценили его стараний, даже после того, как он раздобыл денег.

– Тебя все же прижали, да? – спросил я.

Я мрачно улыбнулся, а следом и Грег.

– Прижали, ну. – Он покивал. Улыбка у него была знающая, ироническая. – Они решили подкинуть мне за неудобства, которые я им доставил... У того чувака дурь кончилась, им пришлось искать нового продавца. Мои трудности им до фонаря.

– Ну что, справедливо, – заключил я.

– Ну, наверное, ага.

Через несколько секунд мы разошлись в разные стороны, и, оглянувшись, я посмотрел Грегу вслед и попробовал молиться за него, в духе тех молитв, которые я говорил раньше в этой истории, но у меня не получилось. Не смог. Не спрашивайте, почему. Я надеялся, у него все будет норм, но молиться об этом не находил в себе сил.

Да и какая все равно от моих молитв польза?

Уж точно они ни черта не помогли мне самому, – но помните? Я так ни разу и не удосужился помолиться о себе самом, точно? Хотя, может быть, в конечном счете, в этом и была цель. Я сам. Может, единственная настоящая причина моих молитв о других – призвать удачу для себя. Так ли оно было? Так ли? Нет. Никогда. Не так.

А может, молитвы на самом деле помогли.

Если задуматься, так это вполне вероятно, потому что дома Сара стала висеть на телефоне в замену былых марафонских тисканий на диване, Стив начал ходить, Руб немного подрабрался в себе, мама с батей вроде были всем довольны, и уж несомненно Ребекка Конлон была счастлива со своими мечтами о Дейле Перри...

Выходило, что у всех дела шли более-менее норм.

У всех, кроме меня.

Довольно нередко я ловил себя на том, что повторяю слово «бедолага» как ничтожное существо, каким я и был.

Про себя я скулил.

Ныл.

Хныкал.

Расчесывал себя изнутри.

Потом смеялся.

Над собой.

Это случилось, когда я гулял вечером после обеда.

Сосиски с грибами утрясались в животе, и при всей тоске, которую я всюду носил с собой, из меня прорывался какой-то странный смех. Отрывая ноги от земли, я улыбался, а потом наконец оперся рукой на телеграфный столб, передохнуть.

И, стоя у столба, я выпустил из себя этот смех, и люди, шедшие мимо, наверное, думали, я рехнулся, или обкурился, или еще под какой гадостью. Они смотрели на меня, будто спрашивая: «Чему это ты смеешься?» Но торопливо шли мимо, к своим жизням, а я стоял, замерев, посреди своей.

Вот тогда-то я и решил, что мне надо что-нибудь решить.

Мне надо было решить, что я буду делать, кем быть.

Я стоял у столба и ждал, чтобы кто-то что-то сделал, пока не понял, что кто-то, которого я жду, – это я сам.

Внутри у меня все онемело, едва ли не помертвело, ну прямо как будто боялось пошевелиться, ожидая моего решения.

Я выдохнул и сказал: «Ладно».

Большого и не требовалось.

Только одно слово. И, рванув домой, я знал, что намерен сделать: прийти, помыться, пробежать пять километров до дома Ребекки Конлон и спросить ее, не хочет ли она чем-нибудь заняться на выходных. Какая разница, кто что подумает? Мне было все равно, что скажут мать или отец, Руб или Стив, Сара или *вы*. Я знал, чего именно я хочу, вот и все.

– Сейчас же, – убеждал я себя на бегу, бросая плечи вперед и газуя, словно за механическим зайцем. И дурнота разливалась во мне, словно еда в животе превращалась в кислоту. Но все равно я не сбавлял ходу и заскочил в калитку и в дом – и увидел.

Сару на телефоне. Телефон.

«Да, телефон! – подумал я. – Ну конечно». Столько бежать, а потом говорить с ней лицом к лицу теперь казалось довольно страшным, так что возник новый план: дойти до ближайшей телефонной будки. Я выгреб у себя из стола немного мелочи, переписал из отцовского блокнота себе на руку телефон Конлонов и снова убежал на поиски телефона.

Во дворе меня догнал окрик:

– Эй! – Это был Стив, с крыльца. А я его даже не заметил, врываясь в дом. – Куда помчался?

Я остановился, но не стал отвечать. Я быстрым шагом вернулся к крыльцу, внезапно вспомнив, что он сказал мне в последний раз, когда говорил с крыльца, в тот вечер, когда мы с Рубом вернули знак «Уступи дорогу».

«Вы такие раздолбайи». Вот что он тогда сказал, и теперь, поднявшись на крыльцо, я наставил на Стива, который потягивался, откинувшись на перила, палец и сказал:

– Еще раз скажешь, что я раздолбай, я тебе рожу расквашу. – Я не шутил, и по лицу Стива было видно, что он это понял. Он даже улыбнулся, будто что-то такое знал. – Я боец, – закончил я, – а не раздолбай. Есть разница.

Еще на какую-то долю секунды я задержал на нем взгляд. Я совсем не шутил. Отвечал за каждое слово. Стиву это пришлось по душе. А мне еще больше.

Телефонная будка.

Я двинулся прочь, с одним стремлением.

Единственный недостаток телефонного плана: я нигде не мог найти будки. Я помнил будку в одном месте на Элизабет-стрит, но оказалось, что ее убрали. Оставалось только бежать, на этот раз в направлении Конлонов, и наконец километра через три я заметил телефон. Еще бы пара

километров, и я в конце концов смог бы поговорить с ней лично.

– Ой, чувак. – У телефона я встал, упершись ладонями в колени. – Чувак.

Я совершенно неожиданно понял, что добежать до телефона было самой легкой частью задачи. Теперь мне предстояло набрать номер и поговорить.

Мои пальцы скребли, будто когти, старинный диск, я набрал цифру за цифрой, и...

Ждал.

...ЫН-Н.

Пошли гудки.

Ын-н-никого.

Никого.

Никого.

Трубку взяла не она, и мне пришлось объяснять другому человеку, кто я такой.

– Кэмерон.

– Кэмерон?

«Кэмерон Волф, старая дура!» – хотелось мне завопить, но я взял себя в руки. Нет, я ответил даже с достоинством:

– Кэмерон Волф. Я помогал сантехнику.

Произнеся эти слова, я понял, что еще нисколько не отдышался после бега. Я тяжело дышал в трубку, даже когда услышал там наконец Ребекку Конлон.

– Ребекка?

– Да?

Голос, ее голос.

Ее.

Я говорил, запинаясь, но не от оцепенения. Я собрался, и все говорилось с расчетом, со страстью, даже с какой-то суровой твердой гордостью. Мой голос полз к ней. Вопросал. Мозжил телефон. Ну давай же. Пора. Спроси.

– Да, я думал... – В горле жгло. – Думал, если бы...

Суббота.

В субботу лучше всего.

Нет.

Нет?

Именно, нет – ты меня понял.

Вообще-то, Ребекка Конлон не произнесла слова «нет», когда

отказалась встретиться со мной где-нибудь в субботу. Она сказала: «Я не могу», – и теперь, вспоминая наш разговор, я пытаюсь понять, было ли огорчение в ее голосе искренним.

Конечно, пытаюсь, ведь она тут же сказала, что ничего не может планировать и на воскресенье, и на следующие выходные из-за каких-то там семейных дел или чего-то из той же серии. Притворяться ни к чему. Она готовила себе крепкую почву, чтобы не подпустить меня ближе. Понимаете, про воскресенье я даже не успел спросить. Не говоря уж про следующие выходные! Боль в ухе считала мне секунды. Черное небо как будто опустилось на землю. Мне казалось, будто меня засасывает в серые тучи над головой, и медленно-медленно наш разговор сошел на нет.

– Ну, может как-нибудь в другой раз.

Я злобно ухмыльнулся замызганной телефонной будке. Голос у меня, однако, все еще был любезным и сдержанным.

– Ага, здорово было бы, ну.

Славный, чудный голос. Слышу ли я его в последний раз? Наверное, если, конечно, она не настолько дура, чтобы оказаться дома в будущие выходные, когда мы с отцом будем заканчивать работу.

Да, этот голос, и почему-то я уже не мог сказать, действительно ли он мне такой настоящий. Слишком он недоступен для настоящего.

– Ладно, до скорого, – попрощался я, но ничего скорого с ней не предвидел.

– Ага, пока-а. – Этим добавила к ранению оскорбление.

Она повесила трубку – зверски. Я слушал изо всех сил, и звук этот рвал мне голову. Медленно, очень медленно я отпустил трубку и вышел, бросил ее висеть, полумертвую.

Схваченную.

Допытанную.

Повешенную.

Бросил ее висеть и пошел прочь, домой.

Обратный путь не был таким тоскливым, как вы могли бы подумать, потому что мысли воевали у меня в голове, и от этого время бежало быстрее. Каждый шаг оставлял на тротуаре невидимый след, который только я смогу учуять, проходя мимо в будущем. Повезло.

На полдороги я заметил на углу еще одну телефонную будку, она трунила и смеялась надо мной из боковой улицы.

«Ха!» – только и сказал я про себя, продолжая путь и пытаюсь почесать лопатку усталой пятерней, что вытянулась на конце выгнутого,

перекрученного локтя.

На этот раз я ввалился в калитку, пооколачивался по дому и где-то в половине одиннадцатого уже лег.

Я не спал.

Я потел, дрожал – один.

И видел картины, наклепленные мне на глаза.

Вброшенные в них.

Видел все. В подробностях. От бейсбольной и крикетной бит, лекарственного холодка, столба без знака, снов, отцов, братьев, матери, сестры, Брюса, друга, девушки, голоса, пропавшего – и до. Меня.

Моя жизнь топталась по моей постели.

Слезы чугунными ядрами катились по лицу.

Я видел, как иду к телефону.

Говорю.

Бреду домой.

Потом, где-то около часу ночи, я встал, натянул джинсы и босиком пошел на задний двор.

Из комнаты.

По коридору.

Через черный ход.

Ледяная ночь.

По цементу и на траву, там я остановился.

Я стоял и смотрел – в небо и на город вокруг меня. Стоял, свесив руки, и видел все, что со мной произошло, и кем я был, и как все всегда будет у меня в жизни. Истину. Никаких желаний, никаких догадок. Я знал, кто я и что буду делать всегда. Я не сомневался в этом, зубы у меня сомкнулись, а зрение жгло глаза.

Рот у меня распахнулся.

Оно случилось.

Да, подняв голову к небу, я завыл.

Раскинув руки, я выл, и все из меня выходило вон. Образы лились из горла, и прошлые голоса окружили меня. Небо слушало. А город – нет. Мне было плевать. Меня занимало одно: выть, слышать собственный вой и запоминать, что в этом мальчишке есть сила, есть, что отдать. Я выл ой как пронзительно и безнадежно, сообщая миру, что я здесь и не сдамся.

Ни сегодня.

И никогда.

Да, я выл, а за дверью черного хода столпилась, неведомо для меня, вся семья, смотрела на меня и не понимала, что это я затеял.

Сначала все черно-белое.
Черное на белом.
Это где я иду, по страницам.
Вот по этим страницам.

Иногда получается, что одна нога у меня идет по страницам, по словам, а другая – по тому, что они сообщают. И я снова оказываюсь там: замышляю всякие проделки с Рубом, боксирую с ним, помогаю отцу, слышу от матери, что я животное, вижу, как жизнь Сары в руках Брюса идет под откос, и заявляю Стиву, что разобью ему лицо, если он еще раз назовет меня раздолбаем. Я даже вижу, как купленная Грегом дурь вылетает в печную трубу и накуривает воздух над его крышей. Одна нога несет меня к дому Ребекки Конлон, куда я приходил работать, куда звонил. Другая задерживает меня в картинке, где задушенная трубка в телефонной будке мертво висит с остатками моего голоса внутри.

Иной раз, когда я поглубже забреду в страницы, буквы в каждом слове становятся огромными, словно здания в городе. Я стою под ними, гляжу вверх.

То, бывает, бегу.
А то ползу.
Сквозь.

Каждую страницу.

Сны укрывают меня, но случается, и обдирают плоть с моей души или просто стаскивают одеяло, и я остаюсь наедине с собой, зябну.

Пальцы трогают страницы.

Переворачивают меня.

Я продолжаюсь.

Я всегда продолжаюсь.

Все большое.

Страницы и слова – это мой мир, распахнутый перед вами, смотрите, трогайте. Оглядываясь, я вижу – расплывчато – ваше лицо, склоненное надо мной. Видите мои глаза?

Однако иду дальше, перехожу сновидение, которое несет меня со страницы на страницу.

Оказываюсь там, где вижу себя: как выхожу в морозную ночь на задний двор. Вижу город и небо, чувствую холод. Встаю рядом с собой.

Джинсы.

Босые ноги.

Голая грудь, дрожь.

Мальчишеские руки.
Они раскинуты, тянутся куда-то.
Налетает ветер, и бумажные листы взлетают и опадают
вокруг нас, там, во дворе. Вой отчаянно ломится мне в уши, и я его
впускаю.
Я хватаюсь за это отчаяние, потому что.
Без него никак.
Я его жажду.
Я улыбаюсь.
Лают собаки, пока далеко, но все ближе.
Рядом с собой слышу, как вою я.
Хороший сон.
Вою. Громко.
Сильно.
Последние листы бумаги все еще падают.
Я живой.
Никогда не был так...
Смотрю под ноги.
Слова – моя жизнь.
Вой не стихает.
Я стою по щиколотку в разлетевшихся страницах, вой – у меня
в ушах.

notes

СНОСКИ

1

Марк Во (р. 1965) – знаменитый австралийский крикетист.